

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

- : СТИХОТВОРЕНИЯ
- : СТУДЕНТОВЪ
- : ИМПЕРАТОРСКАГО СЛЕ-
- : УНИВЕРСИТЕТА
- : И РИСУНКИ
- : АКАДЕМИСТОВЪ
- : ИМПЕРАТОРСКОЙ
- : АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Б. В. НИКОЛЬСКАГО

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ СТУДЕНТОВЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

И. Е. РЪПИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Врогелевъ пер., 13

1903

Рисунки дозволены цензурою 28 декабря 1902 г. С.-Петербургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ сентябрѣ 1901 г. небольшой товарищескій кружокъ студентовъ С.-Петербургскаго Университета и Академіи Художествъ задумалъ издать отдѣльнымъ сборникомъ стихотворенія членовъ этого кружка съ иллюстраціями къ нимъ другихъ его членовъ. Подобрать часть литературнаго матеріала, первоначальные участники обратились къ приватъ-доценту Б. В. Никольскому съ просьбою принять на себя редактированіе предполагаемаго изданія. Въ то же время многіе студенты, посторонніе кружку, стали заявлять о своемъ желаніи принять участіе въ сборникѣ. Вскорѣ число сотрудниковъ настолько возросло, что характеръ изданія перемѣнился и скромное начинаніе тѣснаго кружка пріобрѣло значеніе общестуденческаго предпріятія. Между тѣмъ къ участникамъ художественнаго отдѣла также примыкали новыя силы и по общей просьбѣ И. Е. Рѣпинъ принялъ на себя редактированіе художественнаго матеріала. Число сотрудниковъ и послѣ того продолжало возрастать, такъ что въ декабрѣ 1901 г. желаніе участвовать въ сборникѣ было заявлено почти 125 лицами. Въ время самаго хода работъ по иллюстрированію число это значительно уменьшилось, но все же въ своемъ те-

перешлемъ видѣ настоящій сборникъ является какъ бы
ученической выставкою молодыхъ художественныхъ и
поэтическихъ силъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній
Петербурга.

Съ твердымъ намѣреніемъ соблюсти правдивость,
точность и полноту общей картины, редакторы без-
условно воздерживались ото всякаго давленія на со-
трудниковъ въ угоду своимъ личнымъ вкусамъ, симпа-
тіямъ или образу мыслей. Ихъ задачею было, выбрать
по возможности хоть что нибудь отъ каждаго участ-
ника, принять тѣ работы, въ которыхъ всего ярче ска-
залась его индивидуальность, совершенно независимо
отъ его школы, образа мыслей и т. д., подѣ единствен-
нымъ условіемъ: чтобы все, принятое въ сборникъ, стояло
не ниже того уровня художественнаго совершенства,
на которомъ вообще позволительно обнародованіе. Ко-
нечно, редакторы не уклонялись при этомъ ни отъ со-
вѣтовъ, ни отъ руководства работою тѣхъ сотрудни-
ковъ, которые сами къ нимъ обращались, а тѣмъ болѣе
тѣхъ, которые ранѣе пользовались ихъ вліяніемъ или
указаніями. Съ другой стороны, сдѣлавъ оговорку о
низшемъ уровнѣ, редакторамъ трудно было бы пору-
читься и за безусловную полноту картины: въ ней ко-
нечно есть пробѣлы. Однако въ цѣломъ, на основаніи
знакомства съ массою матеріаловъ, не попавшихъ въ
сборникъ и даже въ него не предназначавшихся, редак-
торы рѣшаются утверждать, что, какъ ученическая вы-
ставка, онъ по существу довольно полно отражаетъ
художественные задатки теперешней молодежи. Обще-
ство и критика получаютъ въ немъ избранный, но до-
стоверный матеріалъ для заключеній и, смотря по чита-
телю, надеждъ или огорченій.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

В. И. АННЕНСКИИ.

Заставка, рис. М. Г. Соколова.	СТРАНИ.
Заснули прибрежныя ивы	3
Въ безсонницу	4

А. А. БЛОКЪ.

Заставка, рис. Д. Ф. Богословскаго.	
Ранній часъ. Въ пути незрима	7
Чѣмъ больнѣй душѣ мятежной	8
Тихо ясныя дни подошли	9

Ф. К. БОГРОВЪ.

Какъ рабыня любовь постучалась ко мнѣ	13
Подускрытый огонь изъ подъ дрогнувшихъ вѣкъ	14
Кѣмъ-то смятый букетъ кѣмъ-то сорванныхъ розъ	15
Современный живописецъ	16

Заставка, рис. А. П. Романа.

Эпитафія	18
--------------------	----

И. Л. ВАРШАВСКИЙ.

Заставка, рис. Д. О. Богословского.	СТРАЖ.	
Въ открытомъ морѣ		21
Безъ руля		23

В. М. ВЕРИЩЕВИЧЪ.

Заставка, рис. Г. Н. Ушкова.		27
Передъ грозой		28
Въ альбомѣ		29
Изъ царства благодати дальной		30
Ужели стремлений ко благу		31
Была весна, все жизнью трепетало		32
Вавилонская башня		33
Меня тянетъ куда-то впередъ и впередъ		34
Мечты		34

Рисунокъ Н. Н. Беккера.

Изъ слова о полку Игоревѣ		37
Плачь Ярославны		39

Рисунокъ И. Я. Вилибина.

Г. М. ЗЕГАЛЬ.

Заставка, рис. А. П. Вахрамѣева.		
На высококомъ обрывѣ надъ моремъ стою		45

С. П. ИСПОЛАТОВЪ.

Заставка, рис. А. К. Кучеренко.

Ночь		49
Посту		51
Божій храмъ золотыми огнями горѣлъ		52
Зажжена предъ иконой лампада		53

А. М. КАЙГОРОДОВЪ.

Заставка, рис. Д. О. Богословского.	СТРАЖ.	
Отрывки изъ драмы Эсхила «Прикованныя Прометей»		57
Концовка, рис. Д. О. Богословского.		

Л. П. КАРСАВИНЪ.

Иллюзия... мечты... О миръ отдохновенца		75
---	--	----

А. К. КАТИЦЪ.

Полурамка, рис. А. П. Любицкаго.		
Заставка, рис. Я. Г. Гевирца.		
Изъ дальняго края, съ улыбкою рай		79
Какой-то духъ во мнѣ живетъ		80
Заставка, рис. Д. Д. Агафонова.		
Рѣка, серебрясь, чуть бѣжала		81
Рисунокъ Д. Д. Агафонова.		
Въ тишинѣ вечерней		83

О. Я. КОБЕЦКІЙ.

Заставка, рис. А. П. Вахрамѣева.		
Въ эту ночь будто громче постъ соловей		87
Я люблю эти долгія ночи безъ сна		88
Затихъ немолчный шумъ грозы		89
Весна—и пѣсни вновь тоскливѣй стали		90

А. А. КОНДРАТЬЕВЪ.

Линейка, рис. А. П. Романа.		
Воспаденіе Аттиса		93
Рисунокъ Д. О. Богословского.		
Заставка, рис. Е. М. Малашевской.		

	СТРАН.
Богиня Истарь	97
Гимн Таммузу	101
Гимн Деметри	103
Царь	105
Речь	106
Заставка, рис. И. Д. Лютичъ (шведонякъ).	
Кто между скалъ по ущелью	107
Ковчона, рис. А. И. Романа.	
Буква, рис. Е. М. Малешевской.	
Подражаніе	109
Заставка, рис. Н. В. Бакланова.	
Мутная, сѣрая волна	110
К. А. КУЛЬНЕВЪ.	
Если счастье измѣнить тебѣ	113
Когда душа полна сомнѣній	114
Рисунокъ И. С. Горюшкина-Сорокопудова.	
А. ЛЕБЕДЕВЪ.	
Буква, рис. Д. О. Богословскаго.	
Весь мой мѣръ упованій разбитъ	119
Ф. Н. МАКАРОВЪ.	
Заставка, рис. М. Г. Соколова.	
Струи говорливой холодной	123
А. Ф. МАЛИНОВСКІИ.	
Изъ Горация	127
По небу сѣрая туча	129

	СТРАН.
Рисунокъ А. И. Кудрявцева.	
Рисунокъ И. С. Горюшкина-Сорокопудова.	
Линь луна волшебница на небо взойдетъ	132
Рисунокъ К. А. Вещилова.	

X. X. МАРШНЕРЪ.

Въ окно мое лучамъ дороги нѣтъ	137
Рисунокъ Э. Э. Лиснеръ.	
Изъ легендъ пустыни	138
Рисунокъ И. С. Горюшкина-Сорокопудова.	
Изъ четверостишия персидскаго поэта Омара Хайама	142
Заставка, рис. Н. В. Бакланова.	
Разсвѣтъ	144

Б. О. МЕЙЕРЪ.

Рисунокъ Г. И. Ушкова.	
Смотри, какъ чудно здѣсь: деревья молоды	147
Осенній день, холодный, безучастный	148

Н. Е. НИДЕРМИЛЛЕРЪ.

Подурамка, рис. Я. Г. Гевирца.	
Заставка, рис. Д. Д. Агафонова.	
Когда съ волшебною, побѣдною красою	151
Посвящается А. Г. Браславской	152

Ф. К. ПАВЛОВЪ

Подурамка, рис. Н. В. Бакланова.	
Заставка, рис. Н. В. Бакланова.	
Легенда	155

Рисунок Д. О. Богодолова.
Рисунок И. С. Горюшкина-Сорокоудова.
Рисунок Д. О. Богодолова.

В. Л. ПОЛЯКОВЪ.

Рисунок М. П. Крошечкина.
Иду печально я, безъ нѣли, безъ стремлений 163
Румяна и бѣла, какъ юная парца 164
Заставка, рис. Я. Г. Генрица.
Въ замкѣ 165
Въ тебѣ горитъ огонь падшій вдохновенья 167
У моря—понимете-ль?—когда-то мы сдѣлали 168
Тихо варя догорала 169

Заставка, рис. Н. Б. Бахлянова.

Надменное, ласкающее море 170
Любовь, мечты, борьбу и славу 171
Я прежде былъ волной.. Не знала я ни печали 172

Б. В. РѢПИНСКИЙ.

Возмчалася нива волнами 175

Заставка, рис. Н. Б. Бахлянова.

Дорогой тряскою, размытой дождями 176
Багровою полосой горитъ закатъ прощальный 177

Заставка, рис. А. Д. Столдрова.

Она задумчиво сдѣла у окна 178
Я замѣрилъ море наслажденій 179
Отчего ты порой молчалива 180

СТРАН.

Л. Д. СЕМЕНОВЪ.

Рисунок И. С. Горюшкина-Сорокоудова.

Отвергнутый ангель 183
Имя путь ночной томительн и трудень 187
Зонь 188
Искушенье 189
Терцины 190

Рисунок И. С. Горюшкина-Сорокоудова.

Рисунок И. С. Горюшкина-Сорокоудова.

Къ Мессии 193
Сонеты 195

Р. Д. СЕМЕНОВЪ.

Природа спать тяжелымъ сномъ 199
Гаснетъ вечеръ золотистый 201

Заставка, рис. А. П. Романа.

Встарь говорили, что ночью 202

Рисунок К. Д. Столдрова.

Небесныхъ сводовъ тьма угрюма 204

Б. С. СЕРАФИМОВЪ.

Заставка, рис. М. Г. Соколова.

Прекрасна ты о, нѣтъ сомнѣнья! 207

Е. Г. ТИКТИНЪ.

Слезы вновь томятъ и накаплиютъ 211

Рисунок Е. М. Мазешевской.

Прости мнѣ сонъ у ногъ твоихъ 221
Послѣдний сонъ меня покинулъ 213
Такъ пусто, холодно кругомъ 214

Когда, въ бездѣйственномъ покоѣ	215
Тревожной дрожью волонъ воздуха ночи	216
Въ роскоши пестрыхъ ковровъ	217

А. О. УЛЬМАНЪ.

Рисунокъ Я. Я. Вебера	221
Зимю	
Заставка, рис. А. Д. Столирова	223
Лишь только тебя я увидѣлъ	

М. А. ФРЕНКЕЛЬ.

Заставка, рис. А. И. Вахрамѣва	227
Грѣш	228
Изъ Горациа	

Д. Н. ФРИДБЕРГЪ.

Къ учителямъ	231
Рисунокъ А. А. Кутеренко	
Заставка, рис. А. И. Вахрамѣва	
Осень	234

В. Н. ХРУСТАЛЕВЪ.

Рисунокъ Н. С. Горюшкина-Сороковудова	
Ты слышалъ въ часъ, когда ночная игла	237
Концовка, рис. М. Г. Соколова	
Родного сѣвера печальная весна	239
Рисунокъ А. Н. Третьякова	
Я люблю этотъ вѣтеръ, этотъ паръ оживленныхъ мельканье	240

А. А. ЧЕРКАСОВЪ.

Заставка, рис. Д. Д. Агафонова	
Въ туманѣ	243
Заставка, рис. Н. Б. Бакланова	
Вы знаете старый утесъ	244

Б. Я. ШНЕЙДЕРЪ.

Весной повѣяло, цвѣтущею весною	249
Буква, рис. Н. Б. Бакланова	
Крылья любви	250
Заставка, М. П. Крошечкина	
Къ морю	251

С. В. фонъ-ШТЕИНЪ.

Заставка, рис. А. И. Романа	
Не здѣсь, въ обманахъ суеты	255
Насталъ печальный день разлуки	256
Заставка, рис. А. П. Любидцаго	
Догорѣла заря золотая	257
Памяти „*“	258
Линейка, рис. А. И. Романа	
Умирали цвѣты, увядая	259
Заставка, рис. Е. М. Малешевской	
Неслись шарующие звуки	260
Поэту	261
И былъ одинъ, Размытую дорогу	262
Рисунокъ Е. П. Годива (псевдонимъ)	
Заставка, рис. А. Альбрехта	
Послѣ болѣзни	264

В. Р. ШУЛЬЦЪ.

СТРАН.

Богъ, осужденный на распятие	267
Заставка, рис. А. И. Вахрамѣева	
Опять природа оживилась	268
Концовка, рис. Н. Г. Генриха	

II.

Д. Д. АГАФОНОВЪ.

СТРАН.

Заставка	81
Рисунокъ	82
Заставки	151, 243

А. АЛЬБРЕХТЪ.

Заставка	264
--------------------	-----

Н. Б. БАКЛАНОВЪ.

Заставки	110, 144
Полурамка	153
Заставки	155, 170, 176, 244
Буфта	251

Д. Д. БУНИНЪ И Н. Н. БЕККЕРЪ.

Рисунокъ	37
--------------------	----

И. Я. ВИЛБИИЪ.

Рисунокъ	40
--------------------	----

Д. Э. БОГОСЛОВСКІЙ.

Заставки	7, 21, 57
Концовка	71

III

XVII

Рисунокъ	119
Буква	156, 159
Рисунки	

А. И. ВАХРАМЬЕВЪ.

Заставки	45, 87, 227, 234, 268
--------------------	-----------------------

Я. Я. ВЕБЕРЪ.

Рисунокъ	221
--------------------	-----

К. А. ВЕЩИЛОВЪ.

Рисунокъ	133
--------------------	-----

Я. Г. ГЕВИРЦЪ.

Рисунокъ на обложкѣ и на шпунтулѣ перелѣ текстомъ.

Заставка	79
Полурамка	149
Заставка	165
Концовка	268

Е. И. ГОДИВЪ (псевдонимъ).

Рисунокъ	263
--------------------	-----

И. С. ГОРЮШКИНЪ-СОРОКОПУДОВЪ.

Рисунки	115, 132, 140, 158, 183, 191, 193, 237
-------------------	--

М. П. КРОШЕЧКИНЪ.

Рисунокъ	161
Заставка	251

А. И. КУДРЯВЦЕВЪ.

Рисунокъ	130
--------------------	-----

А. К. КУЧЕРЕНКО.

Заставка	49
Рисунокъ	232

Э. Э. ЛИССНЕРЪ.

Рисунокъ	138
--------------------	-----

А. И. ЛЮБИЦКИЙ.

Полурамка	77
Заставка	257

И. Д. ЛЮТИЧЪ (псевдонимъ).

Заставка	107
--------------------	-----

Е. М. МАЛЕНПЕВСКАЯ.

Заставка	97
Буква	109
Рисунокъ	212
Заставка	260

А. И. РОМАНЪ.

Заставка	18
Линейка	93
Концовка	108
Заставки	202, 255
Линейка	259

М. Г. СОКОЛОВЪ.

Заставки	3, 123, 207
Концовка	237

	А. Д. СТОЛЯРОВЪ.	СТРАИ.
Заставки	178, 223	
	К. Д. СТОЛЯРОВЪ.	
Рисунки	203	
	А. Н. ТРЕТЬЯКОВЪ.	
Рисунки	240	
	Г. И. УШКОВЪ.	
Заставка	27	
Рисунки	145	

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ
СТУДЕНТОВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО СЛЪ.
УНИВЕРСИТЕТА
И РИСУНКИ
АКАДЕМИСТОВЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

Подъ сѣнью хмурою науки,
Средь сводовъ капища сѣдихъ,
Пѣвучихъ струнъ коснулись руки
И робко дрогнувшіе звуки
Слилися въ первый, юный стихъ.

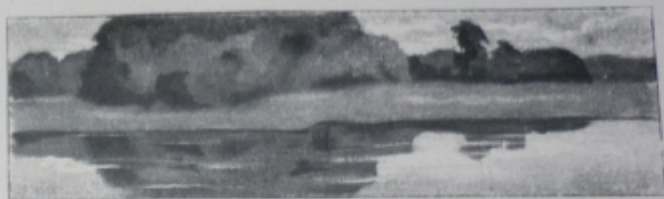
И, въ храмъ сосѣдній залетая,
Онъ феѣ красокъ нашепталъ,
Чтобы вступила золотая
Туда, гдѣ риемой онъ игралъ.

Богиню пѣсня побѣдила,
Благословила красота,
И дружно въ дряхлый міръ вступила
Художествъ юная чета.

В. Верцеліусъ.

В. И. АННЕНСКІЙ

Заснули прибрежныя ивы
Въ объятыхъ тумана сѣдого
И сонной рѣки переливы
Подъ дымкой сіянья ночного.

Плакучія вѣтви забылись,
Недвижны росистыя травы,
И въ сонъ тростники погрузились,
И бѣлыя дремлютъ купавы.

И тихо въ одеждахъ туманныхъ
Надъ берегомъ грезы витають,
Гдѣ звуковъ неясныхъ и странныхъ
Аккорды невинныя тають.

ВЪ БЕЗСОННИЦУ.

Комнаты низкія дома стариннаго,
Роши завітныя, нивы родимыя,
Дни безмятежныя дѣтства невиннаго,
Невозвратимыя...

Локоны русые, очи печальныя,
Дѣтскія слезы, въ разлукѣ пролитыя, —
Образы милые, образы дальныя,
Полузабытыя...

Въ васъ хоть ищу я себѣ оправданія,
Чистыхъ восторговъ нѣмыхъ волненія,
Въ васъ я ищу для больного сознанія
Якорь спасенія!

Образы милые, образы дальныя,
Думы, глубоко въ душѣ затаенныя,
Вѣчно со мною вы, тихо-печальныя,
Въ ночи безсонныя...

А. А. БЛОКЪ

* * *

Ранній часъ. Въ пути незрима,
Разгорается мечта.
Плещуть крылья серафима,
Высь прозрачна, даль чиста.

—

Изъ лазурнаго чертога
Время тайнѣ снизойти.
Бѣлый ангель, ангель Бога,
Сѣеть розы на пути.

* * *

Чѣмъ больнѣй душѣ мятежной,
Тѣмъ яснѣй міры.
Богъ лазурный, чистый, нѣжный,
Шлетъ свои дары.

*

Шлетъ невзгоды и печали,
Благостью великъ,
Но чрезъ нихъ въ инья дали
Зоркій взглядъ проникъ.

*

И больнѣй душѣ мятежной,
Но яснѣй міры:
Это—богъ лазурный, нѣжный,
Шлетъ свои дары.

* * *

Тихо ясные дни подошли.
На деревьяхъ златые уборы.
Ночью холодомъ вѣетъ съ земли.
Утромъ бѣлая церковь вдали
Снова радуетъ ясные взоры.

—

Все поютъ и поютъ вдалькѣ.
Кто поетъ— не пойму; а казалось,
Будто къ вечеру тамъ, на рѣкѣ—
Въ камышахъ ли, въ сухой осоцѣ—
И знакомая пѣснь раздавалась.

—

Только я не хочу узнавать,
Да и пѣснямъ знакомымъ не вѣрю.
Все равно, мнѣ пѣвца не понять...
Отъ себя ли скрывать
Роковую потерю?

Ө. Қ. БОГРОВЪ

* * *

Какъ рабыня любовь постучалась ко мнѣ
Поздней ночью, холодной и темной,
И молила меня подъ окномъ въ тишинѣ
Дать пріютъ ей, бѣдняжкѣ бездомной.

Но царицей она въ мои двери вошла
И владычицей слабаго міра:
Діадема надменно сверкала съ чела,
Гордый станъ облекала порфира.

И предъ гостею царственной я онѣмѣлъ,
Мой насмѣшливый умъ затемнился:
Я рабыню изъ сердца изгнать бы сумѣлъ,
Но предъ гордой царицей — склонился!

* * *

Полускрытый огонь изъ подъ дрогнувшихъ вѣкъ,
Полустрасть, полусмѣхъ перекрестный —
Узнаеть и любовью зоветь человѣкъ,
Если дѣвой онъ избранъ прелестной.

Но остынетъ ихъ пыль, счастье въ даль отойдетъ,
И въ рѣчахъ ихъ послышится скука,
А во взглядахъ нѣмыхъ полузлора блеснетъ —
Полустрасть — полугрусть — полумука...

* * *

Кѣмъ-то смятый букетъ кѣмъ-то сорванныхъ розъ
Вы мнѣ дали на память небрежной рукою.
Тотъ букетъ вы дарили для мукъ и для грезъ,
Для мечтаній о васъ безъ покою,
Для подавленныхъ словъ, для удержанныхъ слезъ...

Время мчалось — пыль увлеченія вами
Замѣнилъ равнодушья и скуки морозъ —
И я смогъ разглядѣть васъ иными глазами
И понять — и съ улыбкой понять — что вы сами —
Кѣмъ-то смятый букетъ кѣмъ-то сорванныхъ розъ...

* * *

Современный живописецъ
Позабылъ творенья муки:
Пододвинется къ мольберту,
Кисть, палитру схватить въ руки, —
Мигомъ кончена картина,
Вмигъ наставилъ кучей кляксы, —
И сдираетъ кушъ съ невѣжды,
Благо вѣтъ на это таксы.

*

Въ годъ прежнiе писатель
Много думалъ надъ сюжетомъ,
Но писатель современный
Не заботится объ этомъ:
Онъ и такъ, проснувшись ночью,
Чуетъ черные напѣвы,
Слышитъ слезы голубья,
Видитъ рѣчи рыжей дѣвы...

*

Композиторъ современный,
Чтобъ поднять на славу шансы,
Смѣло ставитъ, какъ придется,
Удалые диссонансы, —
И сидишь въ концертной залѣ,
Одуряемый каденцой,
И безъ силъ домой уходишь,
Весь разбитъ, какъ инфлуэнцой.

ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь тотъ, кто клячей въ жизни плелся,
Кто вызвалъ самъ себя на бой,
Съ своимъ ничтожествомъ боролся
И помирился самъ съ собой.

И. Л. ВАРШАВСКІЙ

ВЪ ОТКРЫТОМЪ МОРЪ.

И вотъ я вновь одинъ — одинъ —
Далеко отъ людей,
Своихъ желаній властелинъ
И рабъ своихъ страстей.

Зловѣще море предо мной
Темнѣетъ. Вѣтерокъ
Играетъ сонною волной.
Опасенъ и далекъ

Мой путь. Не видно береговъ,
Не слышенъ звукъ рѣчей,
И мракъ такъ полонъ дивныхъ сновъ,
Какъ взглядъ твоихъ очей.

Безбрежныхъ водъ сѣдой просторъ,
Волнуясь, бурлить,
Но тщетно мой смущенный взоръ
По гребнямъ волнъ скользитъ:

Волна вскипаетъ за волной,
Сливаясь въ дикій звукъ
Съ тоской души моей больной,
Напрасныхъ полной мукъ...

Такъ что жъ мнѣ въ томъ, что я одинъ,
Далеко отъ людей,
Когда, желаній властелинъ,
Я рабъ своихъ страстей?

БЕЗЪ РУЛЯ.

Сомнѣній пламенныхъ обломки —
Остатки пышныхъ кораблей —
Несутся по морю страстей...
Еще плывутъ: они не ломки,
Мечтаній юности обломки, —
Но вѣтеръ крѣпнетъ, штормъ сильнѣй...

Въ расцвѣтѣ смѣломъ юной силы
Они пустились смѣло въ путь
На встрѣчу бурь; теперь — уснуть
Они хотятъ, — но, слабы, хилы,
Надорвались быльня силы...
Пристать бы имъ куда-нибудь!

И я безъ нихъ, пѣвецъ безкрылый,
Какъ рулевой безъ корабля,
Иду, гдѣ берегъ, гдѣ земля;
Житейскихъ волнъ пловецъ унылый,
Безъ мысли, силъ, пѣвецъ безкрылый,
Мягусь безъ вѣры, безъ руля!

В. М. ВЕРЦЕЛІУСЪ

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЮ.

Своды лазурно-прозрачные
Траурной тканью покрывъ,
Тучи сѣдя и мрачныя
Духа стѣснили порывъ.

Скрылися воинства жаркія
Свѣтлаго солнца,—въ плѣну!..
Скоро ли молніи яркія
Мрака прорвутъ пелену?

Долго гроза собирается,
Хмурой грозя тишиной,—
Пусть ужъ скорѣй разыграется,
Грянетъ раскатъ громовой!

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Не пышной вышностью наряда,
Не преходящей красотой,
Не смѣлой огненностью взгляда
Ты мой нарушила покой:

Нѣтъ,— въ мимолетной нашей встрѣчѣ,
Проплывшей сказочной мечтой,
Я между словъ ничтожной рѣчи
Успѣлъ узнать огонь святой,

Широкимъ взмахомъ крыль духовныхъ
Я улетаю далеко въ высь
И пѣсенъ низменныхъ, грѣховныхъ,
Во мнѣ всѣ струны порвались.

Прости,— но въ сердцѣ у поэта
Ты провела глубокий слѣдъ
И благотворна память эта:
Она зажгла мнѣ новый свѣтъ!

Изъ царства благодати дальной,
Гдѣ бьется ключъ воды живой,
Я урну несъ съ водой кристальной,
Того источника водой.

Мечталъ я влагою завѣтной
Мой освятить смиренный домъ,
Но надъ моей надеждой тщетной
Бѣды неожиданной грянулъ громъ —

И вотъ, надъ раздробленной урной,
Съ мечтой обманутой моей,
Стою опять подъ тучей бурной
Средь безотрадныхъ пустырей.

* * *
Ужели стремлений ко благу
Затѣмъ лишь мнѣ поданъ бокаль,
Чтобъ, выпивъ кипучую влагу,
Пустьмъ я его увидаль?!

Была весна, все жизнью трепетало,
И онъ любилъ глубоко, не шутя;
Но — дочь баловъ — она ему внимала
Съ улыбкою небрежной, какъ дитя.

Покрыли землю саваномъ морозы,
Въ гробу лежалъ онъ, блѣденъ, недвижимъ,
И позднія любви сверкали слезы,
Пролитыя въ раскаяньѣ надъ нимъ.

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ.

Кипитъ ученая работа:
Въ поту безплоднаго труда
Сивклитъ мудрѣйшихъ средь болота
Снесъ груды званія сюда.

На слоѣ хрупкаго мышленья,
На почвѣ зыбкихъ гипотезъ
Возводятъ пышныя строенья
До свода самаго небесъ.

Но народится сынъ сомнѣнья,
Смѣльчакъ невѣрящій придетъ,
Дохнетъ на тщетныя строенья —
И рухнуть гордыя съ высотъ.

Меня тянетъ куда-то впередъ и впередъ,
Но не знаю, не вижу, куда;
А со мной рука-объ-руку время идетъ,—
Чередуясь, мелькають года...

Тамъ, далеко, на краѣ земного пути
Ждетъ незримый, но властный магнитъ—
И спѣшу я къ нему, и мнѣ страшно итти,
И всеильно меня онъ манитъ.

Кто Ты? Истина? Счастье? Любовь? Или Свѣтъ?
Какъ зовутъ Тебя, Сила всѣхъ силъ?
Ты мой Богъ!—и другого подобнаго нѣтъ—
Богъ земли и небесныхъ свѣтилъ!

Не видалъ я Тебя на яву, ни во снѣ,
Но я знаю, Безвѣстный, Тебя:
Ты во всемъ, что любовь порождаетъ во мнѣ,
Все, на что язираю любя!

Образы рѣются и таютъ въ туманѣ,
То подойдутъ, то отступятъ назадъ...
Рядомъ, у стѣнъ, у окна, на диванѣ,
Гости эфирные тихо скользятъ...

ИЗЪ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ».

Отъ разсвѣта до заката
И всю ночь до свѣта вновь
О шеломы бьютъ булаты
И течеть по саблямъ кровь.
Съ свистомъ воздухъ прорѣзая,
Стрѣль каленныхъ тьмъ летятъ,
Копья крѣпкія трещатъ
Въ половецкомъ дальнемъ краѣ.
Пашню взрылъ ударъ копыта,
Сѣялъ бой ее костями—
И взошли онѣ слезами,
Кровью жаркою политы...

Что шумить? Что звенить

Тамъ вдали предъ зарей? —

То князь Игорь трубитъ

Возвращенье на бой:

Жаль разстаться ему съ милымъ братомъ,—

Еще Всеволодъ блещетъ булатомъ!..

Они билися день,

Они билися другой,

Къ полудню въ третій день
Палъ ихъ стягъ золотой:
Тамъ разлука князей ожидала,
На берегахъ быстрокрылой Каялы,
Тамъ имъ крови-вина не достало,
Тамъ докончили русичи грохотъ пировъ,
До-пьяна напоили желанныхъ сватовъ
И костями полегли
Въ славу русской земли...
Никнетъ въ скорби трава и безъ силы
Долу дерево вѣтви склонило...

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

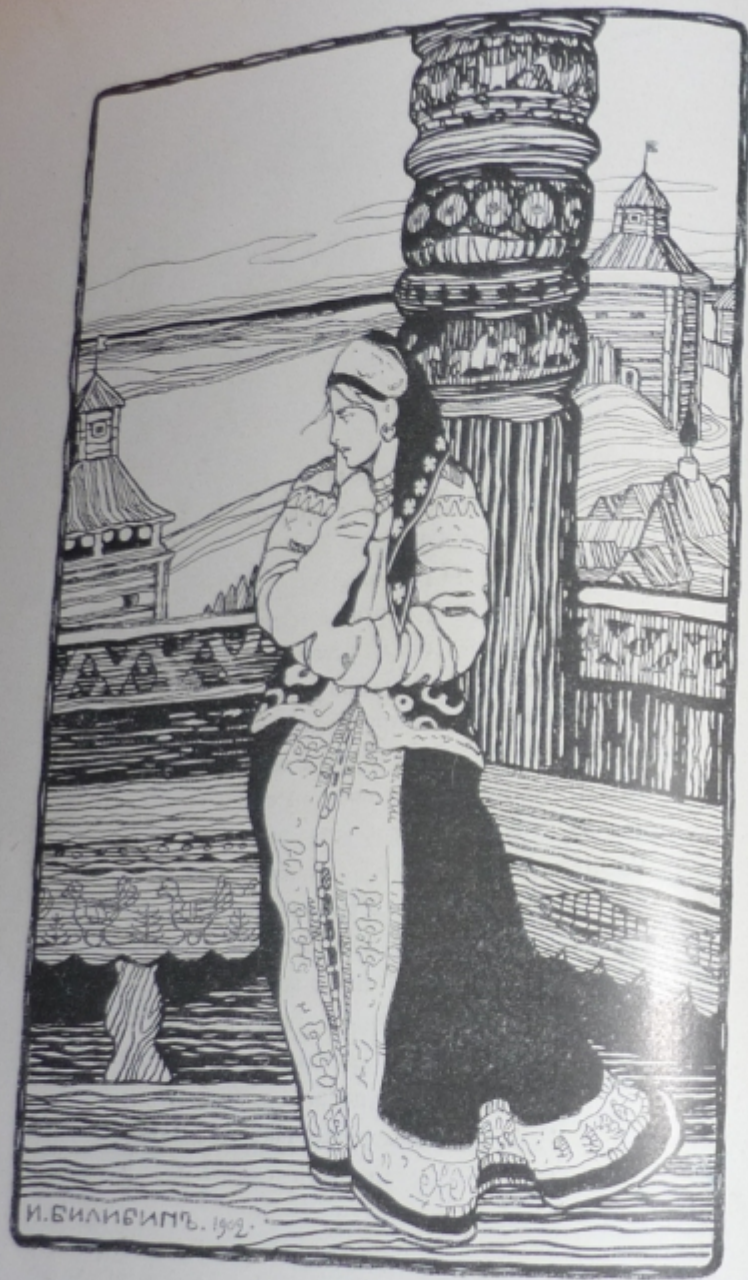
Съ дальней отчизны по вѣлнамъ Дуная
Скорбная пѣснь Ярославны слышна.
Тамъ, одинокой кукушкой стелая,
Плачется рано по утру она:

«Я на Дунаѣ зегзицею встану,
«Быстро къ Каялѣ рѣкѣ полечу,
«Тамъ свой бобровый рукавъ омочу,
«Князю имъ вытру кровавую рану!..»

Утромъ, какъ только зарница займется,
Въ градѣ-Путивлѣ съ высокой стѣны
Чья-то печальная пѣснь раздается, —
То Ярославны стенанья слышны:

«Вѣтеръ-вѣтрило! къ чему же ты снова
«Еще упорно мнѣ на сердце страхъ?
«Мянишь почему ты на войско милова
«Ханскія стрѣлы на легкихъ крылахъ?
«Мало ль ты въ высяхъ подоблачныхъ рѣять
«Иль на моряхъ помогала кораблю?
«Что же безжалостно такъ ты развѣяла
«Счастье мое по травѣ-ковилу?...»

Утромъ, какъ только заря засверкаетъ,
Въ градѣ-Путивлѣ съ высокой стѣны
Чьи-то печальныя пѣсни слышны,—
То Ярославна въ слезахъ причитаеть:
«Диѣпре-Словутичъ! ты камня громады
«Мошно въ землѣ Половецкой пробилъ,
«Ты на себѣ Святослава насады
«Вилоть до похода Кобыяка хранилъ,—
«Нынѣ услышь, господинъ, мое слово:
«Друга-милова примчи мнѣ скорѣй,
«Чтобы по ўтру въ разлукѣ моей
«Слезъ мнѣ не слать ему на море снова!..»

Утромъ, какъ только зарница займется,
Въ градѣ-Путивлѣ съ высокой стѣны
Чья-то печальная пѣсня несется,—
То Ярославны стенанья слышны:
«Ты, о пресвѣтлое неба Свѣтило!
«Всѣмъ шлешь ты милость въ сіяніи дня,—
«Въ гнѣвѣ на что жъ ты жестоко спалило
«Войско милова стрѣлами огня,
«Мукою жажды въ степи ихъ сковало,
«Лукъ натянуть не давля имъ силъ,
«Черной печалью колчаны заткало?
«Чѣмъ, господинъ, тебя князь прогнѣвилъ?..»

Г. М. ЗЕГАЛЬ

А ВЫСОКОМЪ обрывѣ надъ моремъ
стою.

Море шумное стонетъ и бьется.
Въ безпредѣльную темную даль я
смотрю
И на волю душа моя рвется.

*

Я гляжу, какъ играетъ волною волна,
И томить меня жажда познанья,
И тревогою пылкою дума полна,
И ясна мнѣ душа мірозданья.

*

Мнѣ безбрежная бездна мила, дорога,—
Такъ и тянетъ въ шумящее море!
Далеко улетѣла больная тоска,
Съ плечъ скатилось тяжелое горе...

*

Но, увы, опьяняло не долго меня
Бушеванье мятежной пучины
И не долго звучала живая струна
Изъ подъ горькаго гнета кручины!

С. П. ИСПОЛАТОВЪ

Надъ міромъ ночь давно царить глухая:
И мѣсяца не видно изъ-за тучъ,
И лишь одна звѣзда горить, мигая,—
Но скоро тьму разсѣветъ солнца лучъ.

Весь міръ уснулъ до новаго разсвѣта,
Въ глубокомъ снѣ волненія дня забылъ,
И часъ зари еще не наступилъ.
Я жадно жду во тьмѣ дневного свѣта.

Глухая ночь. И только надъ землей
Лишь вѣтерокъ прохладною струей
Живительно проявится предрасвѣтний,

Да поблѣднѣлъ какъ будто бы востокъ...
Все тотъ же мракъ, но день ужъ недалекъ,—
И онъ придетъ, ликующей, привѣтний!

ПОЭТУ.

Какъ счастливъ ты, поэтъ! Во дни страданій
Ты безъ друзей своихъ не одинокъ:
Съ тобою твой даръ, краса твоихъ созданій
И счастья нерушимаго залогъ.

Ты отъ Творца и Бога мірозданья
Свой даръ творить недаромъ получилъ,
Гармоніи небесной подражанья
Недаромъ Онъ законъ тебѣ открылъ:

Онъ надъ людьми душой тебя поставилъ,—
Храни же ты завѣтъ Его святой,
Моли, чтобъ Онъ твой жизни путь направилъ,

Да внемлетъ жадно родъ тебѣ людской,
Да примиришь ты пѣснію живою
Людей съ Творцомъ и правдою родною.

* * *

Божій храмъ золотыми огнями горѣлъ
И, клубясь, вѣнчалъ ароматный
Легкой дымкой подъ куполь церковный летѣлъ,
А Спаситель съ иконы мнѣ въ душу глядѣлъ,
Взоромъ даруя миръ непонятный.

Съ этимъ миромъ въ душѣ я о мѣрѣ молилъ,
О спасеніи и счастьи міра,
И о тѣхъ, кого я такъ люблю и любилъ,
И за тѣхъ, кого Богъ, отозвавъ, поселилъ
За предѣломъ земного эмира.

И лились благодатныя слезы изъ глазъ,
Я бесѣдовать могъ съ небесами,
И такъ ясно мнѣ было въ тотъ сладостный часъ,
Въ тотъ торжественный часъ, что блаженство для насъ —
Это плакать такими слезами!

* * *

Зажжена предъ иконою лампада,
Загорѣлася въ сердцѣ мольба,
И мнѣ счастья больше не надо,
Не страшна никакая судьба.

—

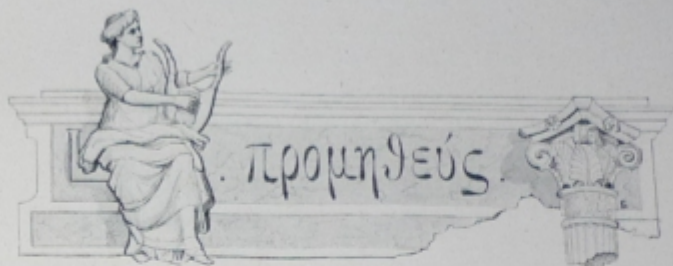
Коль не сбудутся сердца желанья,
Коль солгутъ молодыя мечты,
Стану вѣрить, что Царь мірозданья
Душу спасъ отъ земной суеты...

—

Разгорается ярче лампада,
Разгорается жарче мольба,
И другого мнѣ счастья не надо,
Не милѣй никакая судьба.

А. М. КАЙГОРОВОВЪ

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДРАМЫ ЭСХИЛА

«ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ».

I.

СЦЕНА II.

ПРОМЕТЕЙ [одинъ].

Эфиръ священный! Вѣтеръ легкокрылый!
Истоки рѣкъ! Безчисленныя волны,
Морей земныхъ волнующія гладь!
О ты, земля, обильная плодами!
Ты, свѣтлый ликъ всевѣдущаго солнца!
Васъ всѣхъ зову: взгляните всѣ на бога,
Безжалостно казнимаго богами!
Вы видите, какимъ мученьямъ страшнымъ
Я обреченъ на тысячи вѣковъ,

Что изобрѣлъ боговъ владыка новыи,
Чтобы навѣкъ предать меня позору!
О, горе мнѣ! Теперешній свой жребій
И будущій оплакиваю я!
Придешь ли ты, конецъ моихъ мученій?
Но что же я! Вѣдь будущего тайна,
Какъ отъ другихъ, не скрита отъ меня!
Нѣтъ, съ твердостью все вытерпѣть я долженъ:
Вѣдь отъ судьбы не скроется никто!

.....
Я долженъ молча року покориться,
Но не могу, не въ силахъ я молчать:
Несчастный я! За что я такъ страдаю?
Вѣдь лишь за то, что даръ небесный людямъ
Я сообщил и осчастливил ихъ!
Струю огня изъ мѣста зарожденья
Я въ тростникѣ пустомъ принесть на землю—
И этотъ даръ неоцѣнимъ для смертныхъ:
Онъ научилъ ихъ промысламъ, искусствамъ,
И сталъ для нихъ источникомъ всѣхъ благъ.
И вотъ теперь, за это преступленье,
Страдаю я, окованный цѣпями...
О горе мнѣ!

Но что за звукъ внезапный,
Неясный шумъ вдругъ до меня донесся?..
Кого-то онъ предвозвѣщаетъ мнѣ,—
Героя, человѣка или бога?
Кто близится къ пустынному утесу
И что за цѣль влечетъ его сюда?
Идетъ ли онъ, чтобъ надо мной глумиться,

Иль сострадаемъ движимый? Пускай же,
Пусть взглянетъ онъ на страждущаго бога,
Навлекшаго вражду владыки Зевса
И всѣхъ боговъ, живущихъ на Олимпѣ,
Лишь потому, что онъ любилъ людей!
Но что за шумъ все громче раздается?
Я слышу шелестъ крыльевъ птичьей стаи...
Кто бы ни шелъ, онъ страхъ внушаетъ мнѣ!

СЦЕНА III.

Хоръ Океанидъ на крылатой колесницѣ. Прометей.

ХОРЪ.

Не бойся напрасно: мы дружной толпою
Въ крылатой повозкѣ къ тебѣ принеслись,
Мы отчее сердце смягчили мольбою,
Къ намъ быстрые вѣтры въ повозку впряглись.
И молота звуки, до насъ долетая,
Въ подводное царство, вселили въ насъ страхъ,
И мы безъ сандалій, про стыдъ забывая,
Къ тебѣ прилетѣли на быстрыхъ крылахъ!

ПРОМЕТЕЙ.

О дочери Теюиды многодѣтной
И древняго владыки Океана,
Катящаго неутомимо волны
Вокругъ земли, взгляните на меня!
Взгляните всѣ! Окованный цѣпями,
Средь этихъ горъ, на стражѣ завидной,
Я безъ конца томиться осужденъ!

ХОРЪ.

О горе! Грудь тѣснить рыданья
И льются слезы изъ очей!
Терзають насъ твои страданья
Въ цѣпяхъ позорныхъ, Прометей!
Замѣтно, что владыка новый
Олимпомъ началъ управлять:
Свои законы Зевсъ суровый
Сталъ самовластно примѣнять —
И гибнетъ все, что прежде было
Въ расцвѣтѣ мужества и силы!

ПРОМЕТЕЙ.

Пускай бы онъ низвергъ меня подъ землю,
Въ бездонный Тартаръ, подъ Аидомъ мрачнымъ,
Страной тѣней, раскинувшей свой зѣвъ,
Сковавъ меня тяжелыми цѣпями, —
Пускай: зато ни смертный, ни безсмертный
Тогда бъ не могъ грумиться надо мной!
Увы, теперь, игрушка непогоды,
Я мучусь здѣсь, и на мои страданья
Мои враги, злорадствуя, глядятъ!

ХОРЪ.

Ужель забыла состраданье
Боговъ безсмертная семья?
Нѣтъ, въ ихъ сердцахъ негодованье,
Ихъ возмущаетъ казнь твою!

Лишь Зевсъ, не зная сожалѣнья,
Весь міръ преслѣдуетъ враждой!
Не стихнетъ пламя раздражснья,
Пока бразды его правленья
Не вырветъ хитростью другой!

ПРОМЕТЕЙ.

Хоть скованъ я тяжелыми цѣпями,
Но все-таки безсмертныхъ повелитель
Еще во мнѣ почувствуешь нужду:
Одинъ лишь я могу ему повѣдать
Въ подробности про заговоръ опасный,
Который власть изъ рукъ его похитить.
Но тщетны будутъ всѣ его попытки
Смягчить меня: я тайны не открою,
Я не склонюсь на вкрадчивыя рѣчи,
Не усташусь угрозами и гнѣвомъ,
Пока съ меня онъ этихъ узъ не сниметъ
И мой позоръ не смостъ безъ слѣда!

ХОРЪ.

Твой духъ могучъ и къ подчиненью
Тебя не склонитъ грозный рокъ:
Въ лицо врагу ты безъ смущенья
Бросаешь дерзостный упрекъ.
А мы,—мы трепетомъ объаты
При видѣ участи твоей...
Придетъ ли онъ, тотъ день, когда ты

Страхнень позорный гнѣтъ цѣпей?
Вѣдь Зевсъ не знаетъ снисхожденья,
Ни состраданья, ни прощенья!

ПРОМЕТЕЙ.

Извѣстно мнѣ, что Зевсъ суровъ и грозенъ,
Что справедливость въ жертву онъ приноситъ
Своимъ страстямъ, но все же я надѣюсь,
Что онъ смягчитъ упорную вражду,
Провѣдавши про заговоръ опасный
На власть свою. Суровый гнѣвъ утихнетъ
И руку мнѣ въ знакъ мира онъ протянетъ:
Тогда лишь я подамъ ему свою!

II.

СЦЕНА V.

Прометей и хоръ.

хоръ.

Насъ терзаетъ твой жребій суровый
И страданья твои, Прометей,
И на влажныя щеки готовы
Хлынуть слезы изъ нашихъ очей!
Своевольною властью суровою
Зевсъ караетъ бессмертныхъ боговъ
И во прахъ предъ державою новою
Древній мѣръ простереться готовъ.

Твоей судьбою пораженный,
Кругомъ рыдаетъ цѣлый мѣръ:
Низвергнуть волей непреклонной
Людей прославленный кумиръ!
Судьбы вельня неизмѣнны,
Титановъ родъ погибъ въ борьбѣ!
Народы Азіи священной
Полны участія къ тебѣ,

И дѣвы пламенной Колхиды,
Которыхъ радуешь война,
И у далекой Меотиды
Суровыхъ скивоу племена;
Арабы горестно рыдаютъ,
Друзья губительной войны,
И тѣ, что копьями сверкають,
Кавказа дикаго сына.
Донинѣ одному Атланту
Такую казнь послалъ Зевесъ:
Онъ присудилъ держать гиганту
Громаду тяжкую небесъ.
Подъ страшной ношей изнывая,
Могучій нѣкогда, Титанъ
Страдаетъ, стоны издавая,
И вторить имъ волна морская,
И вторить бурный океанъ.
Какъ громъ тѣ стоны отдаются
Во мракѣ Ада, подъ землей,
И съ тихимъ стономъ рѣки льются,
Журча прозрачною струей.

ПРОМЕТЕЙ.

Не думайте, что изъ высокогѣрья
Иль изъ презрѣнья къ вамъ я смолкъ внезапно,—
О нѣтъ, не потому: мнѣ слишкомъ больно,
Невыносимо видѣть свой позоръ!
А между тѣмъ, кто, какъ не я, виновникъ
Могущества, и почестей, и силы

Теперешнихъ властителей? Но, впрочемъ,
Оставивъ это. Не зачѣмъ мнѣ снова
То повторять, что вамъ уже извѣстно.
Я расскажу вамъ лучше о невзгодахъ,
Которыя переносили люди,
О томъ, какъ я разумными ихъ сдѣлалъ
И къ жизни изъ ничтожества призвалъ.
Объ нихъ я отзываюсь такъ не съ гнѣвъ, чтобъ
Унизить ихъ, а чтобъ вамъ ясно стало,
Какую цѣль поставилъ я себѣ,
Хотя даны имъ были слухъ и зрѣнье,
Но ни цвѣтовъ, ни звуковъ не умѣли
Распознавать они. Всю жизнь свою
Они блуждали словно привидѣнья,
Не сознавая ясно ничего.
Не знали люди каменныхъ строеній,
Домовъ просторныхъ, свѣтлыхъ не имѣли,
Но въ глубинѣ пещеръ, сырыхъ и темныхъ,
Какъ муравьи жизнь жалкую вели.
Они найти различья не умѣли
Между зимой, цвѣтущею весною,
И плодоноснымъ лѣтомъ. Безъ сознанья
Все дѣлали они. Но я движенья
Ночныхъ свѣтилъ имъ объяснилъ законы,
Я изобрѣлъ для нихъ науку чиселъ,
Безцѣльную науку, и придумалъ
Систему буквъ для чтенья и письма;
Я одарилъ ихъ памятью, великой
Царицей музъ, основою всѣхъ знаній;
Я первый подъ ярмо подвелъ животныхъ

Для службы людямъ при трудѣ тяжеломъ,
Я въ колесницы впрягъ коней могучихъ,
Которыми гордятся богачи,
И до меня никто не догадался
Спустить на волны парусное судно.
И это все я изобрѣлъ для смертныхъ,
А для себя, несчастный, не умѣю
Изобрѣсти какой-нибудь исхода!

ХОРЪ.

Страданьемъ тяжкимъ удрученный,
Молчишь твой прозорливый умъ:
Какъ врачъ, болѣзнью пораженный,
Подъ гнетомъ безотрадныхъ думъ
Ты тщетно ищешь облегченья,
Во тьмѣ блуждая безъ пути,
И страстно жаждешь исцѣленья,
Не зная, какъ себя спасти!

ПРОМЕТЕЙ.

Но выслушайте дальше. Я увѣренъ,
Что удивитесь вы еще сильнѣе,
Узнавъ, какимъ искусствамъ новымъ смертныхъ
Я научилъ, что изобрѣлъ для нихъ.
Начну съ важнѣйшаго: они сначала
Понятя не имѣли о лѣкарствахъ,
О жидкостяхъ цѣлебныхъ, о составахъ,
И въ случаѣ болѣзни не умѣли
Помочь себѣ. Но я ихъ научилъ

Употреблять спасительныя средства
И исцѣлять съ ихъ помощью недугъ.
Затѣмъ я познакомилъ ихъ съ гаданьемъ
По иѣшимъ снамъ, по темному значенью
Случайныхъ словъ и по неожиданнымъ встрѣчамъ;
Открылъ имъ, какъ гадать по хищнымъ птицамъ,
Которыя изъ нихъ приносятъ счастье,
Которыя несчастье и бѣду;
Советовалъ слѣдить за ихъ питаньемъ,
Запоминать, летятъ ли птицы стаей,
Дерутся ли, или вьютъ себѣ гнѣздо;
Я указалъ, какъ внутренности можно
Здоровыми назвать, какого свойства
Должна быть желчь, чтобы богамъ была
Пріятна жертва, и каковъ бываетъ
Различный цвѣтъ у печени животныхъ;
Затѣмъ, покрывши жиромъ части жертвы,
Я сжегъ ее и положилъ начало
Гаданью по свшшенному огню,
Имъ до сихъ поръ невѣдомому вовсе;
Вогъ что я сдѣлалъ! Сверхъ того, кто можетъ
Похвастаться, что до меня открылъ онъ
На пользу людямъ золото, желѣзо,
Мѣдь, серебро, сокритыя въ землѣ?
Никто, надѣюсь, если не захочетъ
Сказать неправду! Словомъ, всѣ искусства,
Всѣ промислы далъ людямъ Прометей!

ХОРЪ.

Забудь къ землѣ расположење,
Помысли о своемъ спасеньи,
Оставь безплодныя мечты!
Мы вѣримъ, что настанетъ время,
Когда, цѣпей стряхнувши бремя,
Зевесу равнымъ станешь ты.

ПРОМЕТЕЙ.

Не такова судьбы всеильной воля:
Еще я долженъ тысячи мученій
И тысячи ужаснѣйшихъ страданій
Перенести, чтобы снять съ себя оковы.
Законъ судьбы ничѣмъ не отвратить.

ХОРЪ.

Скажи намъ, кто судьбою управляетъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Злопамятныя фурии и парки.

ХОРЪ.

Ужели Зевсъ имъ уступаетъ силой?

ПРОМЕТЕЙ.

Уступить онъ тому, что суждено.

ХОРЪ.

Что жъ суждено ему, какъ не на вѣки
Владыкой быть?

ПРОМЕТЕЙ.

Объ этомъ не пытайтесь
Разузнавать: я не открою вамъ.

ХОРЪ.

Навѣрное, ты тайну роковую
Отъ насъ скрываешь!

ПРОМЕТЕЙ.

Перемѣнимъ лучше

Нашъ разговоръ: теперь еще не время
Вамъ говорить о томъ, что долженъ я
Хранить пока въ строжайшей тайнѣ. Если
Я сохранию ее, то мнѣ удастся
Изъ этихъ узъ современемъ спастись.

ХОРЪ.

Пусть никогда отецъ вселенной
На насъ свой гнѣвъ не обратитъ,
Пусть до семи боговъ блаженной
Молитва наша долетитъ,
Когда, при звукахъ пѣснопѣнья,
У шумныхъ волнъ родной рѣки
Падутъ для жертвоприношенья
Въ ихъ честь закланные быки!

Завѣтъ боговъ, завѣтъ священный,
Мы свято въ сердцахъ сохранимъ
И даже мыслью дерзновенной
Своей души не осквернимъ.

Блаженъ, въ надеждѣ средь лишений
Оплоть утѣющей найти,
Блаженъ, кто мирныхъ наслаждений
Искалъ на жизненномъ пути!

Но горе намъ! Твои страданья
Намъ страшно видѣть, Прометей:
Увлекся ты своимъ призваньемъ
И гибнешь самъ изъ-за людей.
Они ни дѣломъ, ни словами
Не облегчатъ судьбы твоей,—
Ихъ сотворилъ Зевесъ рабами
И имъ не снять твоихъ пѣпей.

Какъ не похожа пѣснь печали
На звуки пѣсни хоровой,
Когда мы громко прославляли
Союзъ твой съ нашею сестрой,
Когда изъ отческаго лона,
При блескѣ свадебныхъ огней,
Вошла младая Гесіона
Въ твой домъ подругою твоей!

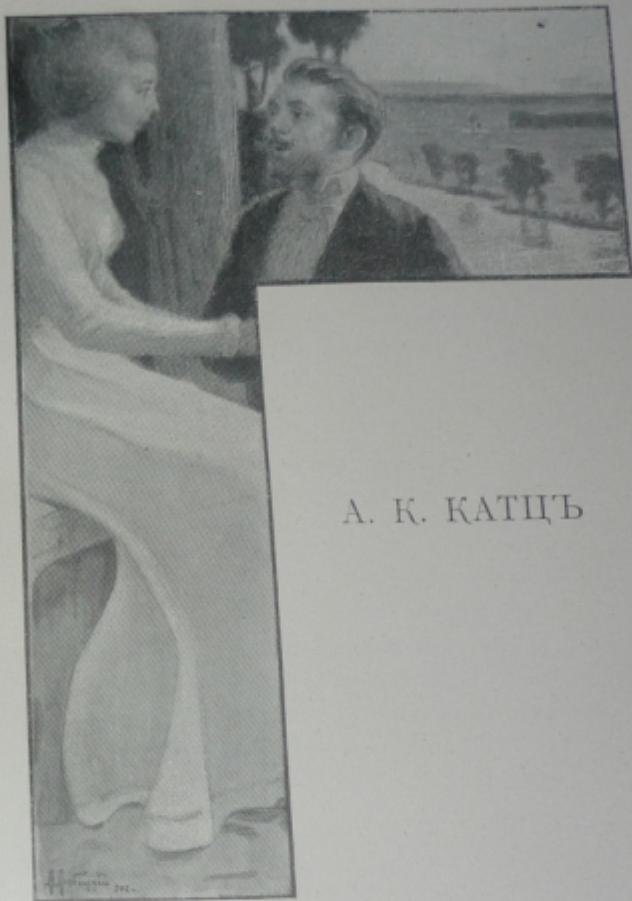
Л. П. ҚАРСАВИНЪ

* * *

Иллюзіи... мечты... О міръ отдохновенья,
О свѣтлый міръ, погибнешь скоро ты:
Въ моей душѣ гнѣздятся ужъ сомнѣнья
И вѣстниковъ суровыхъ разрушенья
Уже всплываютъ грозныя черты...
Но если, дивный міръ, теперь погибнешь ты,
И безъ тебя мнѣ жизнь пустыней станетъ,
И слабый духъ какъ прежде не воспрянетъ
Къ тебѣ опять —

Иллюзіи! Мечты!

А. К. КАТЦЪ

Изъ дальняго края, съ улыбкою рая,
Въ красивыхъ нарядахъ, съ надеждой во взглядахъ,
Весна молодая, звеня и сверкая,
Стремится.

И жизни царицу, весну чаровницу,
И пѣсней, и пляской, и грезой, и сказкой,
Въ дворцахъ и темницахъ, съ весельемъ на лицахъ,
Встрѣчаютъ,

И тягость сомнѣній, и муки томленій,
И бремя невзгоды за тяжкіе годы,
Сердца въ умиленьи, въ блаженномъ забвеньи,
Скрываютъ.

Какой то духъ во мнѣ живетъ,
Духъ мрачной злобы, страсти гений:
Онъ сердце мнѣ дыханьемъ жжетъ
Иль топить въ пропасти сомнѣній...

О, помогите мнѣ, друзья,
Отъ духа злобы отрѣшиться:
Хочу любить и вѣрить я
И съ вѣрой пламенно молиться!

БКА, серебрясь, чуть бѣжала,
Чуть слышно катила струи,
И пѣнь соловья рокотала,
И въ очи глядѣлъ я твои.

Въ нихъ были и слезы разлуки,
И свѣтлое счастье вдвоемъ,
А пѣсни волшебные звуки
Зажгли мое сердце огнемъ.

Какой то духъ во мнѣ живетъ,
Духъ мрачной злобы, страсти гений:
Онъ сердце мнѣ дыханьемъ жжетъ
Иль топить въ пропасти сомнѣній...

О, помогите мнѣ, друзья,
Отъ духа злобы отрѣшиться:
Хочу любить и вѣрить я
И съ вѣрой пламенно молиться!

БКА, серебрясь, чуть бѣжала,
Чуть слышно катила струи,
И пѣсь соловья рокотала,
И въ очи глядѣль я твои.

Въ нихъ были и слезы разлуки,
И свѣтлое счастье вдвоемъ,
А пѣсни волшебные звуки
Зажгли мое сердце огнемъ.

Уста мои ждали лобзанья,
Лобзанья и ласки твоей,
И робко шепталъ я призыванья,
И громко ихъ пѣлъ соловей.

* * *

Въ тишинѣ вечерней
Колоколъ соборный пѣлъ призывнымъ звономъ,
Мирною вечерней
Шумный день вѣнчая въ сердцѣ утомленномъ.

—

Къ темнымъ сводамъ храма
Звуки пѣснопѣній радостно взлетали,
Въ дымкѣ оиміама
Свѣчи восковыя трепетно сіяли.

—

Сумрачныхъ томленій,
Горькаго раздумья были чужды груди
И, склонивъ колѣни,
О благоволеніи пѣли Богу люди.

О. Я. КОБЕЦКІЙ

В ЭТУ ночь будто громче поетъ со-
ловей

И недвижныя деревья стоятъ,
Молодая луна будто свѣтитъ яснѣй
И сирени сильнѣй ароматъ,

—

Въ эту ночь на тебя я молюсь горячѣй,
Горячѣй и сильнѣе любя,
И сплелся изъ фантази и ѣжныхъ лучей
Свѣтозарный покровъ для тебя.

Я люблю эти долгія ночи безъ сна
И въ мозгу эту острую боль,—
Я люблю ихъ, какъ любить гѣ скалы волна,
О которія бьется она.

Послѣ нихъ на душѣ и вольнѣй, и свѣтлѣй,
Послѣ нихъ больше хочется жить,
Больше хочется радостныхъ, солнечныхъ дней,
И молитва живѣй и теплѣй.

Такъ, лишь спустится съ горъ ихъ туманный нарядъ,
Какъ на нихъ уже новый уборъ,
И прекраснѣй, и ярче ихъ краски горятъ,
И сильнѣй онѣ радуютъ взоръ.

* * *

Затихъ немолчный шумъ грозы,
Исчезли съ неба волны тучъ
И въ капляхъ дождевой слезы
Дробится ярко солнца лучъ.
Звучитъ пѣснь гремитъ въ листьѣхъ,
Умылся, освѣжился день
И отъ деревьевъ на травѣ
Ложится ярче, рѣзче тѣнь.
И дышитъ грудь опять бодрѣй,
И грусть отхлынула волной,
На жизньъ опять я веселѣй
Гляжу съ надеждою былой,
И, освѣжась, усталый умъ
Живѣй работы проситъ вновь,
И, отрѣшась отъ тяжкихъ думъ,
Свѣтлѣй горитъ моя любовь.

* * *
Весна — и пѣсни вновь тоскливѣй стали,
И грусти вдругъ нахлынула волна,
И муза вновь нежданой печали,
Томленья страннаго полна,

И въ даль опять стремится голубую,
И просить вновь и счастья, и весны,
И вновь зоветъ къ поэту жизнь иную,
Иные, радостные сны.

А. А. КОНДРАТЬЕВЪ

РОЖДЕНИЕ АТТИСА.

(Фригийская легенда).

У Сангара рѣки во Фригийской землѣ,
Надъ серебряной, свѣтлой волной,
На миндальныхъ вѣтвяхъ распустились въ
теплѣ
Лепестки ароматной весной.

И шептали цвѣты, наклонившись къ водѣ:
«Наше дерево жизни полно!
«Нѣтъ на свѣтѣ подобныхъ деревьевъ
нигдѣ:
«Родилось отъ богини оно.

«Наше дерево дивную тайну хранить,
«Что повѣдана въ мірѣ лишь намъ,
«И открытъ намъ велѣлъ нашъ отецъ Агди-
стидъ
«Эту тайну однимъ лишь плодамъ».

И подслушала ихъ дочь Сангара рѣки,
Эти рѣчи миндальныхъ цвѣтовъ,
И всю ночь умоляла она лепестки
Ей повѣдать о тайнѣ боговъ.

Но душисто молчали цвѣты миндаля
Въ эту теплую весеннюю ночь
И напрасно зывала, прося и моля,
Къ нимъ Сангара прелетная дочь.

Но цвѣты отцвѣли. У заѣтной воды,
Агдистидову тайну храня,
Наливаются соками жизни плоды,
Отягченныя вѣтви клоны.

Въ часъ прохлады ночной разступилась волна
И изъ сонныхъ, тоскующихъ водъ
Дочь Сангара выходитъ, желаній полна,
И срываетъ таинственный плодъ.

О, какъ сладостень трепетной дѣвѣ онъ былъ,
Какъ блаженно вздыхала она,
Какъ побѣдно ей жизни таинственныхъ силъ
Разливалась по тѣлу волна!

Ей казалось, что въ чащѣ миндальныхъ вѣтвей
Чудный голосъ ей что-то шепталъ,
Кто-то, близкій и милый, склонившись надъ ней,
Ей стыдливое тѣло ласкалъ...

Не вернулась нимфа къ Сангару рѣкъ
На прохладное мягкое дно,
Но въ ущелья ушла, и отъ всѣхъ вдалекѣ
Ею было дитя рождено.

Синской малютка родился у ней. —
Имя Аттиса мальчикъ носилъ, —
Сынъ, зачатый подъ сѣнью миндальныхъ вѣтвей,
Плодъ таинственныхъ жизненныхъ силъ.

Аттисъ, свѣтлой печалью тоскующій богъ,
Ты, блаженство и радость людей!
Изъ колючей сосны ты надвинулъ вѣнокъ
На руно шелковистыхъ кудрей,

Отразилось небо во взорѣ твоёмъ,
Что то давишь ты легкой пятой
И бѣгутъ по ногамъ твоимъ алымъ ручьемъ
Струйки крови одна за другой...

Ты стоишь уже выше страстей и тревогъ,
Смятыхъ теплою кровью твоей,
Аттисъ, свѣтлой печалью тоскующій богъ,
Избавленье и радость людей!

БОГИНЯ ИСТАРЪ.

Въ царство мрака, печали и тлѣнія
Я, богиня, схожу, темноокая:
За смертельную боль оскорбленія
Отомстить порѣшила жестоко я.
Полюбила владыку я славнаго —
Издубара, героя могучаго:
Мужа нѣтъ ни въ борьбѣ ему
равнаго,
Ни въ охотѣ средь лѣса дре-
мучаго.

И обвѣяна легкою димкою,
Озаренная луннымъ сіяніемъ,
Я спустилась къ нему невидимкою,
Вся стгорая любовнымъ желаніемъ.
На полянѣ, поросшей осокою,
Онъ стоялъ подъ раkitой вѣтвистою
И, проникнутый думой глубокою,
Любовался луной серебристою.
И къ нему подступила не слышно я
И коснулась плеча загорѣлаго.

Всколыхнулась грудь моя пыльная
Отъ разгара желанья несмѣлаго...
«Издубарь! Какъ орелъ между тучами
Лань на темя скалы обнаженное
Уныкаетъ когтями могучими,
Ты ужалъ мое сердце влюбленное!
Будь мнѣ мужемъ! Супругою вѣрною
Отрасль Ану возьми ты премудраго—
И подругой я буду примѣрною
Издубара, бойца чернокудраго».
Обратилъ онъ лицо свое смуглое
И отвѣтилъ: «Богиня прекрасная,
Не манишь меня тѣло округлое
Иль отравя лобзанія страстная.
И не вѣдаю сладкой тревоги я,
Если пляшутъ дѣвицы стыдливыя:
Мнѣ лишь серны милы кругорогія,
Лишь тигрицы да львы черногривые.
Отойди же, дочь Ану всесильнаго,
И не мучь себя страстію знойною:
Среди Ура, мужами обильнаго,
Ты утѣшься любовью достойною.
Иль въ предѣлахъ Эреха прекраснаго,
Края пѣсенъ, тебѣ посвященнаго,
Отыщи ты пѣвца сладкогласнаго,
Въ твои ясныя очи влюбленнаго.
Иль въ Калахѣ, гдѣ пальма зелена
Наклонилась надъ свѣтлыми струями,
Позабудь обо мнѣ, упоенная
Сеннаарскихъ кущовъ поцѣлуями...»

И отпрянула я, оскорбленная
Этой дерзостью мужа надменнаго,
И уячалась, какъ лань, уязвленная
Жаломъ гибельнымъ гада презрѣннаго,
На небесную кровлю высокую,
И взмолилась предъ Ану властителемъ:
«— Защити свою дочь темноокою,
Будь суровымъ обидчику мстителемъ!
Онъ отвергъ поцѣлуи небесныя,
Мои ласки отринувъ онъ страстная,—
Пусть же нѣги объятія тѣсныя
Замѣнятъ ему пытки ужасныя!»
И услышалъ мое онъ моленье
И отвѣтилъ съ грозящею силою:
«— Издубарь за твое оскорбленіе
Будеть пожранъ безславной могилою»,
И быка сотворилъ онъ крылатаго,
И вдохнулъ въ него силу могучую,
И направилъ онъ звѣря рогатаго
На героя сквозь чащу дремучую.
Но сразила быка разъяреннаго
Издубарова палица бранная.
Рухнулъ звѣрь. Изо лба раздробленнаго
Кровь рѣкою струилась багряная
И надъ трупомъ стоялъ безъ движенія
Князь Эреха нагимъ изваяніемъ...
Было чудно лица выраженіе,
Посребреннаго луннымъ сіяніемъ...
Я надѣла корону двурогую,
Гдѣ сверкали рубины кровавые,

И пустилась тернистой дорогою,
Измишляя навѣты лукавые.
Я спушуся въ предѣлы печальныя,
Въ подземелія смерти постылыя,
Гдѣ жершуютъ огни погребальныя
И скитаются тѣни унылыя.
Въ царствѣ мрака, печали и тлѣнія
Я предстану предъ грознымъ Иркаллою,
Чтѣ сидитъ въ золотомъ облаченіи
Рядомъ съ гордой своей Нинкагаллою.
Я скажу ему: «Местью могучую
Изощри твою силу державную
И бѣдой покарай невинную
Издубара гордыню тщеславную!
Пусть дихавье болѣзни тлетворное
Напоятъ его тѣло заразою
И, клеймо налагая позорное,
Поразитъ его лютой проказою.
Изничья безсильно въ проклятіяхъ,
Пусть онъ вспомнить въ палящихъ страданіяхъ
Объ Истарь оскорбленной объятіяхъ,
Объ Истарь оскорбленной признаніяхъ!..»
Въ область мрана, печали и тлѣнія
Я, богиня, схожу, знойноокая:
За смертельную боль оскорбленія
Отомстить порѣшила жестоко я.

ГИМНЪ ТАММУЗУ.

Въ мѣсяцъ «Странствій Истарь»
О кончинѣ печальной твоей,
Царь народовъ и пастырь вождей,
Мы восплачемъ, Таммузь...
Какъ ужасный пожаръ
Сожигаеть всю жатву назрѣвшую,
Такъ сожженъ былъ грозой налетѣвшею
Твой недолгій союзъ.
О владыка, Таммузь,
Опьяненный любовью Истарь,
Ты скончался подъ ласками жгучими,
Волосами обвитый пахучими,
И ушелъ незамѣтно отъ узъ
Ея пагубныхъ чаръ.
Ты сомкнулъ утомленные вѣжды
И уснулъ какъ дитя,
И не слышишь, какъ, краемъ одежды
По камнямъ шелестя,
Жрицы таинствъ любви благосклонныя,
Виноградной струей опьяненныя,

Перевиты тирляндами розъ,
Дорогими блистая уборами,
Въ крошъ шарая лица и груди,
Оглашаютъ нестройными хорами
Твой таинственный путь.
Изъ курильницъ струей синеватою
Къ облакамъ подымается дымъ
И за гробомъ безмолвнымъ твоимъ,
Крытымъ тканью богатою,
Мы толпой, изступленнымъ объятою,
Со священной пѣснью спѣшимъ.

ГИМНЪ ДЕМЕТРЪ.

Слава, слава Богинѣ Земли,
Ей, Деметрѣ, плоды приносящей!
Къ ней на праздникъ мы нинѣ пришли
Отовсюду толпою шумящей.
Тронъ воздвигните царственный ей,
Колесницу уставте снопами,
Въ честь богини пшеничныхъ полей
Пойте гимны такими словами:

Ты научила людей
Вспахивать землю Твою,
Въ борозды сѣмя кидать.
Ты посылаешь дождей
Намъ благодатныхъ струю,
Плодоносящая Мать.

Желтою ризою нивъ
Ты одѣваешь поля,
Наши вѣнчая труды.
Слыша Твой властный призывъ,

Перевиты гирляндами розъ,
Дорогими блестя уборами,
Въ кровь парая лица и грудь,
Оглашаютъ нестройными хорами
Твой таинственный путь.
Изъ курильницъ струей синеватою
Къ облакамъ подымается дымъ
И за гробомъ безиолвнымъ твоимъ,
Крытымъ тканью богатою,
Мы толпой, изступленьемъ объятою,
Со священной пѣснью слѣшимъ.

ГИМНЪ ДЕМЕТРЪ.

Слава, слава Богинѣ Земли,
Ей, Деметрѣ, плоды приносящей!
Къ ней на праздникъ мы нишѣ пришли
Отовсюду толпою шумящей.
Тронъ воздвигните царственный ей,
Колесницу уставьте снопами,
Въ честь богини пшеничныхъ полей
Пойте гимны такими словами:

Ты научила людей
Вспахивать землю Твою,
Въ борозды сѣмя кидать.
Ты посылаешь дождей
Намъ благодатныхъ струю,
Плодоносящая Мать.

Желтою ризою нивъ
Ты одѣваешь поля,
Наши вѣнчая труды.
Слыша Твой властный призывъ,

Людям приносить земля
Сладкой гранаты плоды.

Мать Прозерпина, алтарь
Твой покрывают снопы,
Къ небу возносится дымъ...
Будь же и нынѣ, какъ встарь,
Слыши моленья толпы,
Ласкова къ людямъ Твоимъ!

ЦАРЬ.

Мчатся бѣшеные кони
И, съ серпомъ у каждой спицы,
Рвутъ и рѣжутъ вражью броню
Боевыя колесницы.

Мертвыхъ тѣлъ валятся груды
Подъ кошемъ и булавою.
Кони ржутъ. Рвутъ верблюды.
Стрѣлы свищутъ надъ толпою.

Какъ Нергала извѣстье,
Недвижимъ, на колесницѣ,
Въ вихрѣ воплей и стenanья,
Скачетъ царь съ мечемъ въ десницѣ.

Онъ съ улыбкой упоенья
Смотритъ, взорами сверкая,
Какъ предъ нимъ въ разгарѣ сраженья
Львовъ ревушихъ мчится стая.

РЕСЬ.

Оракиецъ Ресь, убитый Диомедомъ,
Къ землѣ чужой безпомощно приникъ.
Какъ богъ Арей стремился онъ къ побѣдамъ,
Какъ богъ Арей безстрашенъ и великъ.

Не прогремѣть его побѣдный кликъ
Предъ воинствомъ враговъ оторопѣлыхъ,
Погасъ огонь въ очахъ безумно смѣлыхъ,
И смерти тѣнь легла на блѣдный ликъ.

Разбиты грезы юнаго героя:
Подъ звуки трубъ и ликованій стонъ
Спасенная его не встрѣтитъ Троя.

Убить во снѣ, а не въ разгарѣ боя,
Въ шатрѣ своємъ, весь кровью обгащенъ,
Оракійскій царь вкушаетъ вѣчный сонъ.

Кто между скалъ по ущелью
Звонкой свирѣльной трелью
Спать не дасть оредамъ?
Кто онъ, мечтательнымъ
Взглядомъ
Въ обликъ безстрастный
Дианы
Впившійся, словно влюблен-
ный?
Тихо сѣдѣ туманы
Въ высь поднялися надъ
Бездной,
И надъ землей, упоенной
Нѣгою полночи звѣздной,

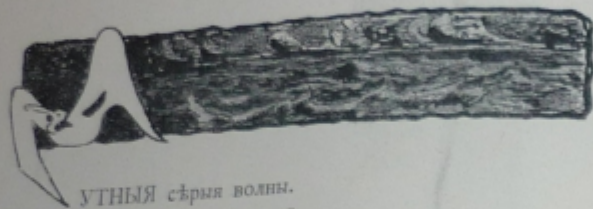
Полные страсти и муки,
Легче зефира,
Къ небу возносятся звуки
Пѣсни сатира.

ПОДРАЖАНІЕ.

Ы РАЗРУШИЛИ храмъ и со сѣ-
хомъ во прахъ
Всѣ колонны повергли его—
Отчего же теперь мучить душу
вамъ страхъ?
Отчего у васъ ужасъ написанъ въ глазахъ?
Сжалось сердце у васъ отчего?

Отчего заунывные крики совы
И шакала голоднаго вой
Или шепотъ растущей въ руинахъ травы
Вызываетъ въ васъ дрожь и смущаетесь вы
Передъ грудой развалинъ нѣмой?

МУТНЫЯ сѣрыя волны.
Мракъ и туманъ непроглядный.
Скуки и холода полный,
Вѣчности сонъ безотрадный.

* * *

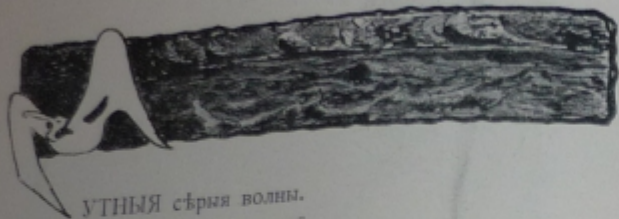
Страшные сны и видѣнья
Рѣютъ въ полночь туманѣ.
Чуя судьбы приближенье,
Хаосъ трепещетъ заранѣ.

* * *

Хаосъ трепещетъ, ревниво
Вѣчныя тайны скрываая.
Мутныя волны тоскливо
Плещутъ, о чемъ-то вздыхая.

К. А. КУЛЬНЕВЪ

УТНІЯ сѣрѣя волни.
Мракъ и туманъ непроглядный.
Скуки и холода полный,
Вѣчности сонъ безотрадный.

* * *

Страшные сны и видѣнья
Рѣютъ въ полночномъ туманѣ.
Чуя судьбы приближенъе,
Хаосъ трепещетъ заранѣ.

* * *

Хаосъ трепещетъ, ревниво
Вѣчныя тайны скрывая.
Мутныя волны тоскливо
Плещутъ, о чемъ-то вздыхая.

К. А. КУЛЬНЕВЪ

Когда душа полна сомнѣній
И мысли мрачны, какъ тюрьма,
Когда навѣты искушеній
Смушаютъ доводы ума,

Когда угаснувшую радость
Унынье мрачное смѣнить!
И горькій опытъ умертвить
Надеждъ плѣнительную сладость,—

Восторгъ послѣдній оживи
И со слезами упованья
Ищи въ молитвѣ состраданья
У Бога мира и любви.

В. А. ЛЕБЕДЕВЪ

Ө. Н. МАКАРОВЪ

ТРУИ говор-
ливѣй хо-
лодной
И жизни по-
лнѣй, чѣмъ
весна,
Воздушнѣ птички сво-
бодной—

Вотъ образъ ея, вотъ она.

Скромна, какъ фіалка лѣсная,
Какъ лилія, чудно-стройна,
Проворна, какъ рыбка рѣчная,—
Вотъ образъ ея, вотъ она.

А. Ф. МАЛИНОВСКИЙ

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

Од I, 11.

Левкоюя, брось гаданья:
Грѣхъ пытаться узнавать,
Какъ тебѣ судили боги
Или мнѣ свой вѣкъ кончать.
Не ломай надъ вавилонскимъ
Головы себѣ числомъ:
Что бы съ нами ни случилось,
Все безропотно снесемъ,—

Много ль лѣтъ еще Юпитеръ
Намъ съ тобою далъ въ удѣлъ,
Или нынѣшней зимою
Жизни кончиться велѣлъ
И въ послѣдній разъ предъ нами
Межъ Тирренскихъ полей скалъ,
Раздробляясь и вскиная,
Гнѣвно бѣется шумный валь.

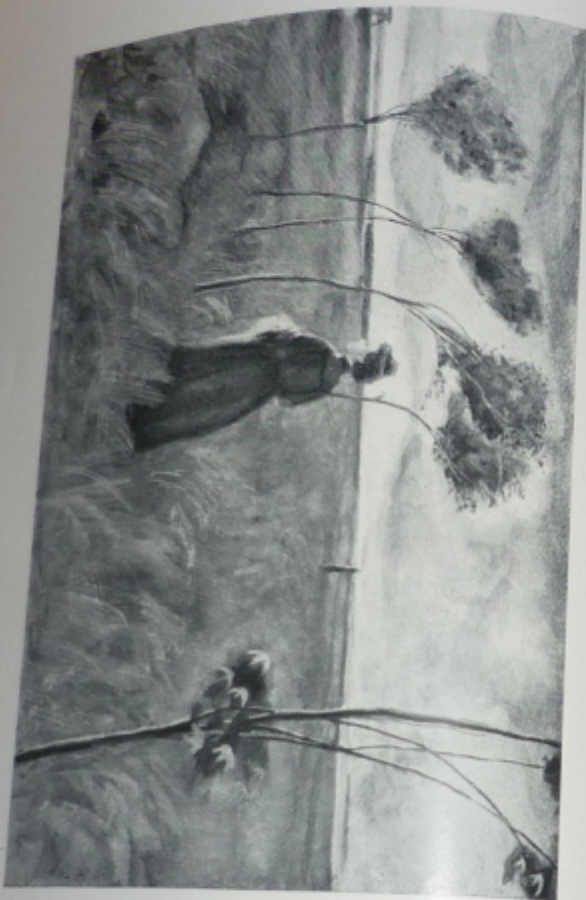
Будь ужьте, съ полной чашей
Не терей въ надеждахъ дни,
Помни краткость жизни нашей,
И раздумье прочь гони:
Споримъ мы, — а безопадно
Мчится жизни нашей тѣнь!
Наслаждайся же сегодня,
И не жди въ грядущій день.

По небу сѣрыя тучи
Тянутся длинной грядой.
Мрачная, хмуря думы
Смутной плывуть чередой.
Пасмурный день угасаетъ.
Вѣтеръ угрюмо шумитъ.
Душу тоска надрываетъ,
Сердце тревога томитъ.

*

Вдругъ изъ-за смутныхъ покрововъ
Брызнулъ играющій лучъ,
Слабымъ огнемъ озаряя
Стаю нахмуренныхъ тучъ.
Вѣтра порывъ безопадный —
Снова темнѣе кругомъ...
Сдвинулись хмурыя тучи
И разразились дождемъ...

*

Вот среди думь безотрадныхъ
Проблескъ надежды блеснулъ,
Сердце забилось живѣе,
Полной я грудью вздохнулъ,—
Мигъ — и надежды не стало,
Въ сердцѣ и холодъ, и страхъ,
Въ душу сомнѣнье запало,
Слезы сверкнули въ глазахъ...

ИШЬ лунь, волшебница на небо взой-
 деть,
 А въ кустахъ соловушко пѣсню заве-
 деть,

На село надвинутся тишина и сонъ,
 И часовъ послышится съ колокольни звонъ,—

Къ той скамьѣ, гдѣ старая ива у села
 Вѣтви такъ развѣсисты надъ прудомъ сплела,
 Приходи, красавица, ласточка моя,
 Приходи, послушаемъ пѣсню соловья!

Отъ полей развонится ароматъ цвѣтовъ
И басстятъ таинственно огоньки костровъ,

Смолкли отдаленныя пѣсни косарей,
Изо ржи доносится скрипъ коростелей,

Пѣсня соловьиная ужъ давно слышна...
Чу—калитка скригнула—то идетъ она!

Ты пришла, красавица, ласточка моя!...
Гдѣ жъ теперь и слушать намъ пѣсню соловья!

* * *

Х. Х. МАРШНЕРЪ

* * *

Въ окно мое лучамъ дороги нѣтъ:
Одна стѣна, угрюмая, нѣмая,
Отъ глазъ моихъ скрываетъ солнца свѣтъ,
Тоску и боль на душу нагоняя.

Я міру чуждъ, — одинъ съ тоской своей,
Липомъ къ лицу съ громадой молчаливой.
Отсюда мнѣ не видно и людей,
Не слышенъ шумъ ихъ жизни суетливой,

Мнѣ здѣсь незримъ лазурный небосводъ,
Свободныхъ птицъ полетъ на немъ свободный,
Алмазныхъ звѣздъ полночный хороводъ
И блескъ луны, безстрастный и холодный, —

И только дождь, когда и такъ темно,
Докучный дождь, струясь изъ тучи мрачной,
Находитъ путь стучать въ мое окно,
Сгущая тьму канвой полупрозрачной!..

ИЗЪ «ЛЕГЕНДЪ ПУСТЫНИ».

Правитель былъ яраченъ. Безмолвно онъ путь совершалъ.
Зловѣще сверкая, грозу его взоръ обѣщаль.
Отъ думы невѣдомой душу не могъ онъ отвлечь
И тѣвно сжимала рука дорогой его мечъ.
Безмолвна и свита: правителя сумрачный видъ
О жертвахъ и казняхъ понятно безъ словъ говорить
И молится каждый въ душѣ: «Всемогущій Аллахъ!
Смягчи его сердце!.. Да явится въ царскихъ очахъ
Намъ прежняя милость!» Вдругъ, воли безхитростный смѣтъ,
Идегъ имъ навстрѣчу и пѣсню поетъ бедуинъ.
О чемъ его пѣсня? О вольныхъ родимыхъ пескахъ,
О счастьѣ свободы въ изодранныхъ бурей шатрахъ,
О звѣздахъ далекихъ, о смерти въ кровавомъ бою,—

Идегъ и поетъ онъ безпечную пѣсню свою.
Увидѣвъ — умолкъ — но блеснулъ повелителя взоръ,
Какъ молнія въ полночь сверкнулъ изъ очей приговоръ,
Чуть дрогнули губы, волненья не въ силахъ сокрытъ,
И громко слугамъ онъ промолвилъ: «Связать и казнить!»
И слуги связали. Напрасно несчастный молилъ,
Напрасно онъ рвался, — правитель молчанье хранилъ:
На новую жертву хотѣлъ онъ, какъ видно, взглянуть
И дальше направить свой грозный и медленный путь.
И вдругъ онъ услышалъ: «Внесли мнѣ, владыка людей:
Молю не о жизни ничтожной и жалкой моей!
Дѣтей лишь дозволь мнѣ надежному другу отдать —
И ниче жъ — вотъ клятва! — вернусь я, чтобъ кару принять!»
Смѣется владыка: «Найдется ль охотникъ такой, —
Что ты возвратишься, — ручаться своей головой?..»
И къ свитѣ съ мольбою свой взоръ обратилъ бедуинъ, —
Всѣ лица суровы... Но юноша былъ тамъ одинъ:
Смогрѣлъ съ состраданьемъ на жертву онъ лютыхъ страстей, —
Къ нему бедуинъ обратился съ мольбою своей:
«О братъ всѣхъ несчастныхъ! Возможно ль отъ смерти уйти?
Возможно ль избѣгнуть намъ даннаго Богомъ пути?
О, будь милосерденъ, услышь благосклонно меня, —
Останься залогомъ до вечера этого дня!»
И юноша молвилъ: «О царь, я останусь въ залогъ!
Иди къ своимъ дѣтямъ! Да будетъ защитой имъ Богъ!»

Садилось солнце. Назначенный часъ наступалъ.
Съ усмѣшкой злорадной тогда повелитель сказалъ:
«Ты видишь, безумецъ? Ужъ близится къ вечеру день
И казнь возрѣщается ложащихся сумерокъ тѣнь!»

Но юноша твердо владыкѣ
ответствуетъ: «Нѣтъ,—
Пока не померкнетъ блѣднѣющей солнеч-
ный свѣтъ,

Меня еще рано казнить, повелитель людей,
Не время исполниться царственной волѣ твоей!
Лишь кончить успѣлъ онъ—предъ ними, въ поту и пыли,
Предсталъ бедуинъ...

«Я вернулся, владыка земли!
Теперь мои дѣти въ надежныхъ и вѣрныхъ рукахъ;
За милость твою да продлить твои годы Аллахъ!..»
И молча предъ нимъ опустилъ повелитель глаза...
Смочила рѣсницу, скатилась на землю слеза
И, руки воздѣвъ, онъ воскликнулъ: «Клянусь головой,—
Вы — лучшие люди, съ открытой и честной душой!
И кто изъ васъ лучше? Кто здѣсь остался въ залогъ
И жизнью отвѣтить за брата безвѣстнаго могъ?
Иль тотъ, кто для казни вернулся, покинувъ дѣтей,
Чтобъ выкупить брата безславною смертью своей?
О, чистые сердцемъ!.. Не буду я ниже, чѣмъ вы!..
Иди въ свой шатеръ: мнѣ не издо твоей головы!..»
И прочь удалился и пѣсно запѣлъ бедуинъ:
«Да будетъ прославленъ земли и небесъ Господинъ!
Боялся я смерти, но горькая смерти боязнь
Меня не смутила спѣшить на позорную казнь!
Остаться молило меня мое племя въ слезахъ,
Но всѣ искушенья помочь мнѣ осилить Аллахъ!
Аллахъ милосердъ и великъ повелитель людей,—
Да взыщетъ Аллахъ его милостью вѣчной своей!..»

ИЗЪ ЧЕТВЕРОСТИШНІЙ ПЕРСИДСКАГО ПОЭТА

ОМАРА ХАЙАМА.

Пусть лицо мое приятно, пусть шека моя—тюльпанъ,
Пусть я весь благоухаю, и какъ тополь строенъ стань,—
Все жь, однако, я не знаю, для чего Создатель мой
Въ міръ тлѣннаго веселья такъ трудился надо мной?..

* * *

Пока идешь путемъ свиренья,—старайся всѣ сердца понять;
Но лишь коснешься Высшей Силы—лишь ей стремишь себя
отдать.

Сто Каабъ изъ глины вѣдь не стоятъ души послѣдняго
глупца!

Зачѣмъ тебѣ стремиться въ Каабу? Ступай, улавливай сердца!

* * *

Мы, вино и музыканты, и притоны—все одно:

Сердце, душу, всѣ пожитки отдаемъ мы за вино...

Мы не ждемъ себѣ прощенья, намъ не страшень кары часъ:

Прахъ, огонь, вода и воздухъ,—это чуждо все для насъ!

* * *

Для чего, скажите, мудрый въ этомъ мірѣ суети
Отдаетъ ему и сердце, и желанья, и мечты?
Только вздумаетъ присѣсть онъ,—ужь навверхъ его зовутъ,
Предъ лицомъ Творца вселенной, на его ужасный судъ!..

* * *

Когда скончаюсь я, омойте прахъ виномъ,
О чашахъ и винѣ надъ гробомъ рѣчь скажите,
А если въ день Суда найти меня хотите—
Ищите тѣнь мою въ трактирахъ подь столомъ.

* * *

Кааба, капище—все это тотъ же храмъ,
Удары въ мѣдннй тазъ—все то же пѣснопѣнье,
И четки, и алтарь, и крестъ,—все выраженье
Стремленія души къ далекимъ небесамъ.

* * *

Мое сердце! Твой жребій—быть вѣчно въ огнѣ,
Твой удѣлъ—каждый часъ, каждый мигъ измѣняться.
О, зачѣмъ же, душа, ты слетѣла ко мнѣ,
Если цѣль сочетанья—со мною разстаться?

* * *

Въ кабацкѣ уютномъ нашемъ какъ-то голосъ вдругъ раз-
дался:
«Эй, пьянчуга, забудыга, что отъ пьянства помѣшался!
Встань скорѣе и наполни искрометной влагой чаши,
Прежде, чѣмъ судьба наполнить до краевъ бокалы наши!..»

ВѢТЪРЪ

Ночь колыхала созвѣдiя въ глуби пруда.
Чуткiй, какъ тьма, вѣтерокъ
Мiра покинуть не могъ.
Гдѣ-то чуть рѣяли птицъ перелетныхъ стада,
Травы шептались у ногъ.

Робко заря освѣтила извилины горъ.
Вѣтеръ рыданья промчалъ,
Шелестъ травы разогналъ.
Ночь, посылая разсвѣту печальный укоръ,
Скрылась въ разсѣлины скалъ.

Дальше и глубже тѣснить ее свѣта полетъ,
Стали смѣлѣй журавли,
Все, пробуждаясь, отрадою дышетъ—и вотъ
День, лучезарный какъ истина, ярко встаетъ
Для обновленной земли.

Б. О. МЕЙЕРЪ

Смотри, какъ чудно здѣсь: деревья молодые
Столпились тѣсною и дружною семьей
И листья нѣжные, лучами облитые,
На землю стелятъ тѣнь прозрачной пеленой.

И мягкая трава, росинками сверкая,
Проснувшись, въ цвѣтахъ, чего-то будто ждетъ,
А съ неба на нее, привѣтливо блистая,
Веселый снопь лучей торжественно падетъ.

Присядемъ на траву подъ яблоней зеленой,
Я стану въ синіе глаза твои глядѣть,
А медленный ручей своей струею сонной
Подъ солнцемъ будетъ намъ привѣтливо блестѣть—

И всѣ сомнѣнія, вся жизнь пережитая,
Все позабудется въ надеждѣ молодой,
И будемъ вдаль смотрѣть съ тобой, моя родная,
Мы просвѣтленною душой.

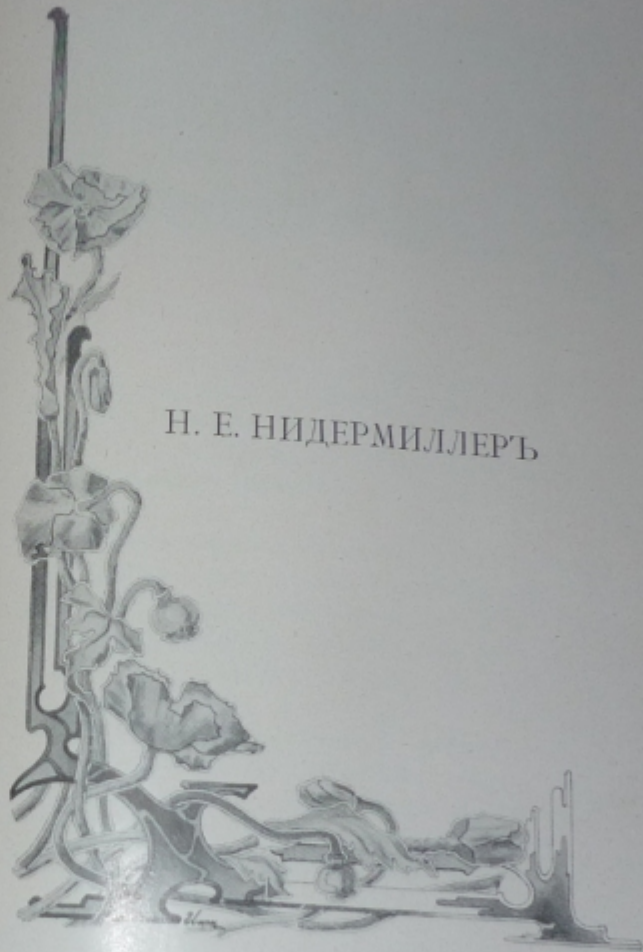
Осенний день, холодный, безучастный,
Мнѣ смотреть въ комнату. Окно открыто въ садъ,
И солнца лучь, блестящій и безстрастный,
Горитъ надъ озеромъ. Желтѣющей наряда

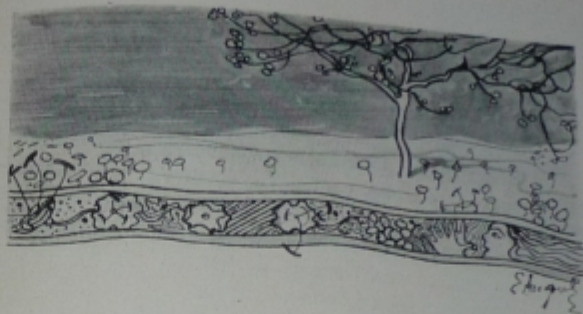
Увядашихъ липъ дорожку застилаетъ.
Вотъ кто-то пробѣжалъ,—и слышно какъ шуршитъ
Коверъ листвы. Но день все угасаетъ
И въ сѣрихъ сумеркахъ навстрѣчу тьмѣ спѣшитъ.

Свѣжо въ саду. Давно закрыты ставни
И лампа зажжена. Въ блуждающихъ тѣняхъ
Весни моеи мелькаетъ образъ давній
И шепчетъ мнѣ о пережитыхъ дняхъ...

И тишь кругомъ... Лишь бабочка стучится
Въ горячее стекло и падаетъ безъ силъ,
А за окномъ болѣзненно томится
Печальный ночи яракъ,—холодный, безъ свѣтилъ.

Н. Е. НИДЕРМИЛЛЕРЪ

Когда, съ волшебною, побѣдною красою,
Нарядная весна спускается, въ цвѣтахъ,
Увита грезю и свѣтлою мечтою, —
Я рвусь навстрѣчу ей восторженной душою,
Съ напѣвомъ радостнымъ, безпечнымъ на устахъ.

И все сливается въ гимнь свѣтлый вдохновенья—
И рокоть синихъ волнъ, и шопоть камыша,
И свистъ малиновки, и жаворонка пѣнье,
И вѣтра тихое, чуть внятное движенье,
Когда онъ шелеститъ листвою, едва дыша,

И звуки прежніе тревоги и сомнѣній,
Безвѣрья горькаго, мучительной тоски,
Несбывшихся надеждъ, угрюмыхъ размышленій,
Подъ этотъ благовѣсть ликующей весенней
Душѣ воскресшей далеки.

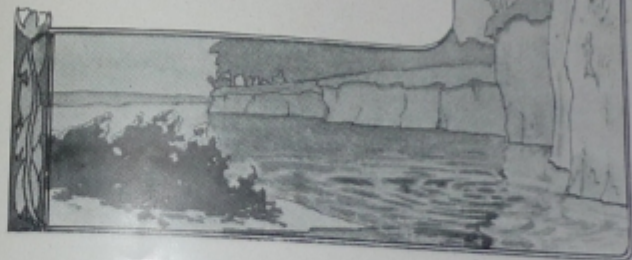
ПОСВЯЩАЕТСЯ А. Г. БРАСЛАВСКОЙ.

Когда души моей коснется вдохновенье
И загорится взоръ отвагой молодой,
Мнѣ кажется тогда: какъ свѣтлое видѣнье
Изъ міра лучшаго стоишь ты предо мной—
И, яркимъ счастья сіяніемъ объята,
Согрѣта ласкою чарующихъ лучей,
Душа не вѣритъ вновь, что людямъ нѣтъ возврата
Изъ края мрачнаго ночныхъ полутѣней.

Когда же въ призрачной сіянии, въ вихрѣ свѣта,
Среди нарядныхъ фразъ и лживой красоты,
Виною предательскимъ тщеславію согрѣта,
Душа доверится соблазнамъ суеты—
Мнѣ кажется тогда—ты снова предо мною
Стоишь, печальная, и твой пылинный взоръ
Въ меня вливается съ тревогой и тоскою,
Безомовень и правдивъ, какъ совѣсти укоръ...

И на устахъ замреть срывавшееся слово,
Опустится рука съ бокаломъ дорогимъ
И грезы горня заветнаго былого
Надъ сердцемъ властвуютъ по прежнему моимъ!

Ө. К. ПАВЛОВЪ

ЛЕГЕНДА.

Смотрит холодно мѣсяцъ съ небесныхъ высотъ.
Спитъ рѣка въ величавомъ покоѣ.
Коростель однозвучную пѣсню ведетъ,
Нарушая молчанье ночное.

Вдоль по берегу парень крестьянскій идетъ,
Молодой, загорѣлый, красивый,
Смотритъ весело вдаль—нѣтъ и тѣни заботъ
Ни въ лицѣ, ни въ улыбкѣ счастливой.

Къ черноглазой красоткѣ, къ Марусѣ своей,
Онъ спѣшитъ изъ далекой сторонки,
Гдѣ всю зиму работалъ, не видѣвшись съ ней,
Припасая на свадьбу деньжонки.

И не чует усталости онъ
никакой,
Въ нетерпѣннѣ шагъ
ускоряетъ...
Вдругъ, изъ темнаго лѣса, изъ
чаши густой,
Привидѣнье къ нему выплываетъ...

Кровь застыла... Движенія ужасъ сковала,
По спицѣ пробѣжала жуткѣй холодъ...
Онъ узналъ, онъ при мѣсячнои светѣ узналъ,
Безпопаднѣй, медлительнѣй голодъ.

— «Подожди ка, дружокъ! Намъ съ тобой по пути:
Для тебя, паренька молодого,
Вѣдь подь силу, я чаю, меня донести
На себѣ до селенья роднаго?»

А тебѣ, молодецъ, за усердье твое,
Окажу я такую услугу:
Пощажу и тебя, и семейство твое,
И твою дорогую подругу!»

И мгновенною мыслью бѣднякъ озаренъ:
Нѣтъ! Не стибнетъ селенье родное!
Расплатиться за всѣхъ попытается онъ
Своей собственной жизни цѣною!

И на сильныхъ плечахъ онъ знакома понесъ,
Обхвативши костлявыя ноги.
Впереди, гдѣ стоялъ надъ рѣкою утесъ,
Тамъ крутой поворотъ былъ дороги...

На вершину откоса взобрался герой,
Ближе къ краю себя пододвинулъ
И, висячно къ рѣкѣ повернувшись спиной,
Свое тѣло назадъ опрокинулъ...

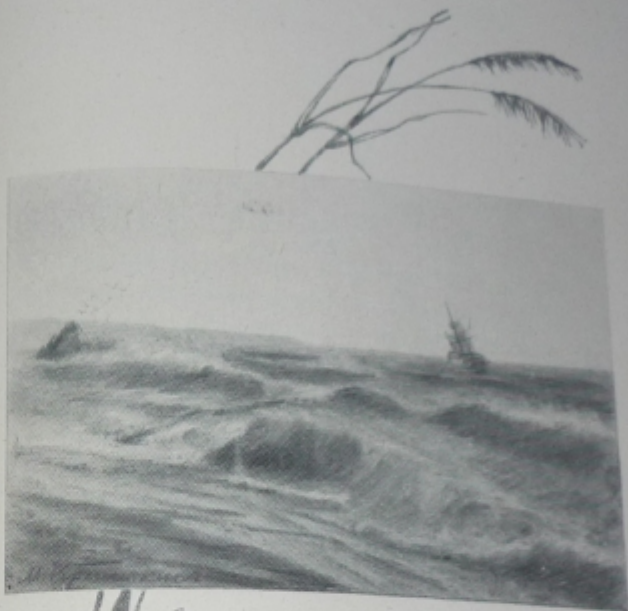

С

МОТРИТЬ
 холодно мѣсяцъ
 съ небесныхъ
 высотъ,
 Вѣтеръ глади рѣчной не
 волнуеъ,

Коростель похоронную пѣсню поетъ,
 Да душа у Маруси тоскуеъ...

В. Л. ПОЛЯКОВЪ

Иду печально я, безъ цѣли, безъ стремленій,—
Лишь поле ровное, да ночи мгла кругомъ,—
И звуки трепетныхъ и робкихъ пѣснопѣній
Уносить ураганъ бушующихъ крыломъ.

Но тамъ, надъ бѣшенствомъ слѣпого урагана,
Въ лазурномъ сумракѣ, въ таинственной дали,
Звѣзда чудесная сквозь пелену тумана
Неугасимый лучъ роняетъ до земли.

Румяна и бѣла, какъ юная царица,
Встаетъ изъ тихихъ водъ веселая денница,
Съ полей исчезъ туманъ, гнетущій и сѣдой,
Все валито волнами свѣта,
И пѣсня вольная свободного поэта
Звучитъ безпечною и вѣрой молодой.
Забить угрюмый путь, забыта ночь ненастья,
Веселый вѣтерокъ манитъ куда-то въ даль...
Я счастливъ...

Отчего жъ мнѣ жаль
Звѣздан, померкнувшей предъ яркимъ солнцемъ счастья?

ВЪ ЗАМКѢ.

СЮДУ копыя, шлемы, латы,
Рядъ портретовъ по стѣнамъ:
Графы, герцоги, аббаты,
И румяные прелаты,
И цвѣтникъ прелестныхъ дамъ...

*

Залъ высокій ужъ веселья
Не видалъ въ себѣ давно,
А бывало, въ часъ бездѣлья,
Въ часъ разгульнаго похмѣлья,
Въ кубкахъ пѣнилось вино

*

И, довольны и богаты,
Отъ зари и до зари
Графы, герцоги, аббаты
И румяные прелаты
Пировали какъ цари.

*

Чисто дамы украшали
Пирь нарядомъ и лицомъ,
Но порой и забывали
Предисловія морали
Въ кубкѣ съ пѣнистымъ виномъ...

Тускло блещутъ копыя, латы,
И уныло по стѣнамъ
Блещутъ хмурые аббаты,
И румяные прелаты,
И ряды прелестныхъ дамъ.

Въ тебѣ горитъ огонь палицій вдохновенья,
Ты побѣдишь враговъ, ты не падешь въ борьбѣ
И огненнымъ стихомъ и властью пѣснопѣнья
Всѣхъ очаруешь ты, всѣхъ покоришь себѣ.

А мнѣ, пѣвицу любви и беззаботной грезы,
Не лавры видятся, не слава впереди,
И скоро, можетъ-быть, среди житейской прозы
Заглохнетъ огонекъ, чуть тлѣющій въ груди.

У моря — помните ль? — когда-то мы сидѣли
На золотомъ пескѣ и слушали прибой,
И волны синія привѣтливо намъ пѣли
О счастьѣ сказочномъ, о грезѣ голубой...

О, помните ли вы, какъ, этой пѣснѣ вторя,
Въ сѣнѣ теплаго и солнечнаго дня,
Надъ яркой синевой играющаго моря
Звучала музыка, лаская и маня,

И какъ подъ музыку тогда, полусутоливо,
Съ улыбкой свѣтлою мнѣ обѣщали вы
Въ послушной памяти всегда хранить ревниво
На дальнихъ берегахъ скучающей Невы

Тотъ бистролетный день, когда вдвоемъ сидѣли
Мы тамъ... на берегу... и слушали прибой...
И волны синія такъ ласково намъ пѣли
О счастьѣ сказочномъ, о грезѣ голубой...

Тихо зоря догорала.
Тихо земля умирала.
Съ нею всѣ дѣти земли.

Медленно время летѣло.
На бездыханное тѣло
Злобныя тучи легли.

Жалкія слезы безсилія...
Слышишь незримыя крылья
Въ меркнушей міра дали?

Горніе пусты чертоги:
Въ небѣ покинутомъ боги
Жить безъ людей не смогли...

Надменное, ласкающее море!
Оно поет о небѣ голубовѣ,
Оно поет о блескѣ золотомѣ,
Оно поет о радостномѣ просторѣ, —
Но глубоко, въ таинственной тиши,
Въ суровой мглѣ, спятъ черныя страданья
И гордыя, жестокия желанья,
    Какъ въ глубинѣ моей души...

Любовь, мечты, борьбу и славу
Безумцамъ бросивъ и рабамъ,
Поднесъ ты медленно къ устамъ
Намъ неизвѣстную отраву
И, воскресая, какъ металлъ
Твой стихъ побѣдно прозвучалъ
Среди стѣнаний мірозданья.
Ты полубогъ. Твой пьедесталъ —
Недостижимый идеаль
Невыразимаго страданья.

Я прежде былъ волной... Не зналъ я ни печали,
Ни страсти роковой; въ задумчивой ночи
Сіяньемъ сладостнымъ таинственно пронзали
Меня далекихъ звѣздъ далекіе лучи...

Я прежде былъ волной: среди моей пустыни,
Огнемъ страстей горя, измученъ суетой,
Молюсь я, какъ лучамъ иждивительной святости,
Сіянью грезъ золотой.

Б. В. РЪПИНСКІЙ

Вдвигалась нива волнами
И лѣсъ говорливо шумѣлъ,
Вдали, высоко надъ полями,
Невидимый жавронокъ пѣлъ,

*

И тучекъ въ лазури небесной
Жемчужныхъ летѣла града,
Стремясь изъ страны неизвѣстной,
Богъ знаетъ, зачѣмъ и куда.

*

Надъ лентой рѣки многоводной
Бѣлѣлся сіяющій храмъ,
Гдѣ въ отдыхъ и въ праздникъ народный
Молитва летитъ къ небесамъ.

*

И снова, какъ въ дѣтскіе годы,
Молиться хотѣлося мнѣ,
Забуть роковыя невзгоды,
Не помнить о завтрашнемъ днѣ...

ОРОГОЙ тряскою, размытою дождями,
Я ѣхалъ вдоль полей, засѣянныхъ хлѣбами.
Лошадки тошя, съ понурой головой,
Подъ крики ящика шли медленной рысцою.
— «Что, старій, приунылъ?» — «Не время быть
веселымъ»,

Ящикъ мнѣ отвѣчалъ: — «такъ сердце и болитъ —
Опять неурожай! Въ морозъ, голоднымъ, голымъ,
Безъ хлѣба... безъ гроша... Иль этимъ будешь сытъ?»
Съ усмѣшкой на поля онъ показалъ рукою —
И свистнулъ, и привсталъ, залергавъ вдругъ возжею,
И тройка понеслась подъ оклики ящика,
Завѣшаго въ тиши съ невольною тоскою
Про горе горькое, про горе мужика...

Багровою полосой горитъ закатъ прощальный,
По небу облачка бѣгутъ куда-то въ даль, —
Куда — не знаю я... Къ тебѣ ли, другъ мой дальній,
Несутъ они мою тревожную печаль?

Но ты такъ далека, ты стала мнѣ чужою...
Поймешь ли грусть души, измученной борьбой?
Простишь ли ты меня? Разстались мы съ тобою —
Разстались, какъ враги... Прощай же — Богъ съ тобой!..

Чу! громъ... Вокругъ темнѣй... Вотъ колнія блеснула...
Вотъ дождь... И хлынули, какъ дождь, изъ глазъ моихъ
Потоки тайныхъ слезъ...

Ужъ ночь. Земля уснула,
Гроза умчалась и лѣтъ дремучій тихъ.

Лишь облака, ловя заката лучъ прощальный,
Въ далекихъ небесахъ медлительно плывутъ
Туда, гдѣ ты живешь, и мой привѣтъ печальный —
Последнее «прости!» — въ твой дальній край несуть...

* * *

Она задумчиво сидѣла у окна,
На меркнувшей дали остановясь очами.
Ужъ ночь волшебная и блѣдная луна
Царили широко надъ сонными мірами.

И думала она: «Все кончено... Прости!..
«И жизнь надломлена, и молодость разбита,
«Ни свѣтлой радости, ни счастья впереди...
«А я... я брошена... безжалостно забыта!»

Головка русая склонялася къ окну
И слезы горько жгли дрожащія рѣсницы,
Но счастье новое, разсѣвая тьму,
Ужъ улыбалось ей улыбкою денницы...

Я измѣрилъ море наслажденья!
Мнѣ любовь являлася порой
Въ видѣ грезы, свѣтлаго видѣнья,
Дѣвы рай въ ризѣ золотой...

*

Ей созвучья стройныя звенѣли,
Ей сияла солнцемъ красота
И, стремясь къ давно завѣтной кѣли,
Къ ней летѣла пылкая мечта.

*

Я измѣрилъ океанъ страданья!
Въ немъ погасъ минутной страсти палъ,
Въ немъ умолкли жаркія признанья,—
Все, въ чемъ я блаженство находилъ.

*

И въ очахъ слеза тоски дрожала,
И кипѣла мщеньемъ въ сердцѣ кровь,
И надъ бездной пѣсня не звучала,
Гдѣ погибла свѣтлая любовь.

Отчего ты порой молчалива,
Такъ задумчиво смотришь на всѣхъ,
Словно въ счастіѣ самомъ несчастлива,
Словно чуждъ тебѣ говоръ и смѣхъ?

—
Отчего ты порою бываешь
То насяѣшливой, бойкой такой,
То какъ-будто немного скучаешь, —
То какъ-будто играешь со мной?..

Л. Д. СЕМЕНОВЪ

**ОТВЕРГНУТЫЙ
АНГЕЛЪ.**

(Средневѣковая
легенда).

МЯТЕНЬЕ въ замкѣ
Эйзенрека,
Насталь Конрада
смертнй часъ
И за монахомъ челоуѣка
Шлетъ гордый рыцарь въ
первый разъ.
Съ невольнымъ страхомъ
попъ смиренный
Къ одру болящаго спѣ-
шитъ

И тотъ съ улыбкою надменной
Къ себѣ ввести его велитъ.
И началъ Эйзенрекъ въ волосьи:
«Тѣ знаешь, попь, я не любилъ
«Твоихъ обѣденъ пѣсноуѣне,
«Димъ омиама, чады кадилъ;
«Какъ передъ кесаремъ, предъ Богомъ
«Я не сгибалъ спины своей
«И не согласенъ я во многомъ
«Съ твоимъ ученьемъ, іерей;
«Но было мнѣ одно видѣне...
«Оно изгрызло грудь мою:
«Ей страшно смерти приближене,
«Мнѣ съ дѣтства милое въ бою!
«Однажды врагъ въ разгарѣ битвы
«Мнѣ выбилъ мечъ изъ сильныхъ рукъ
«И ждалъ я смерти безъ молитвы
«И безъ раскаянія мукъ.
«Вдругъ мимолетно ангелъ нѣжнѣй
«Меня крылами осянилъ...
«Но я въ надменности мятежной
«Его защиту отклонилъ —
«И, свѣтомъ рая осіянный,
«Онъ улетѣлъ съ слезой въ очахъ,
«Исполненъ грусти несказанной,
«Съ упрекомъ кроткимъ на устахъ...
«Ударъ врага былъ вѣренъ страшный,
«Но панширь мнѣ не измѣнилъ,
«Сложился мечъ — и въ рукопашной
«Въ тотъ день врага я побѣдилъ,—

«Я задушилъ его руками!—
«Но, безъ проклятій и угрозъ,
«Онъ цѣвѣнѣвшими устами
«Христово имя произнесъ...
«И я клянусь тотъ день несчастный:
«Съ тѣхъ поръ, съ мучительной тоской,
«Я вижу—къ жизни безучастный —
«Посланца неба предъ собой.
«Мнѣ страшень взоръ его открытый,
«Его слеза мнѣ грудь сожгла
«И влагой скорбно-ядовитой
«Былую силу отняла.
«Отець, мнѣ больно безконечно,
«Мнѣ страшно, страшно умирать!..
«Скажи, ужель и тамъ я вѣчно
Томиться буду и страдать?..
«Видѣне вновь.... что это значитъ?
«То онъ, прекрасный, предо мной!
«Его мнѣ жаль... О чемъ онъ плачетъ,
«Скорбить безгрѣшною душой?
«Да, я готовъ ему молиться...
«О, научи меня, отецъ!..
«Дай силъ мнѣ, Господи, смириться...
«Будь милосердъ... Пошли конецъ...»
Пролепеталъ—и вздохъ послѣдній
Съ молитвой къ Богу испустилъ...
И служить попь по немъ обѣдни,
Струится къ небу дымъ кадилъ

И льются кляра пѣснопѣнья:
«Рабу, смиренному Тобой,
«Прости, Владыка, прегрѣшенья
«И со святыми упокой!»

Ихъ путь ночной томителенъ и труденъ:
Спать пастухи и сонъ ихъ непробуденъ,
Стала бредуть безъ цѣли, безъ вождей,
И соблазнителенъ и чуденъ
Ихъ блескъ блуждающихъ огней.

Надъ ними звѣздъ немеркнущіе хоры
Выводятъ въ небѣ вѣчные узоры,
Но непорочный блескъ ихъ не для стадъ
И звѣздъ невидящихъ взоры
Нечистымъ пламенемъ горятъ.

Ихъ грудь ни разу пѣсней не согрѣта.
Молись за нихъ: есть время до разсвѣта!
Да взыдетъ солнце! Солнце пусть блеснетъ
И знойной ласкою привѣта
Въ нихъ пламя чистое зажжетъ!

ЗОВЪ.

Звѣздной сѣтью, ровной, яркой,
Озаренъ души тайникъ
И, въ слезахъ, съ молитвой жаркой
Я къ землѣ приникъ.

—
Люди спятъ, до звѣздъ высоко,—
Только, слышу, въ тишинѣ
«Смертный!» шепчетъ издалека
Голосъ чей-то мнѣ...

—
Знаю, то къ себѣ, прощая,
Сынъ мать-земля зоветъ:
Слышитъ онъ твой зовъ, родная,
И къ тебѣ идетъ!

ИСКУШЕНЬЕ.

Сквозь непроглядные туманы
Лежалъ мнѣ въ горы тѣсный путь.
Болѣли ногъ усталыхъ раны,
Но сладко вѣра жгла мнѣ грудь:

Я къ звѣздамъ шель, на свѣтъ лучистый,
Блуждалъ и падалъ, шель опять,
И день и ночь огонь ихъ чистый
Не уставалъ душѣ сѣять.

Но вотъ у бездны путь суровый,
Онъ выше къ звѣздамъ не ведетъ,—
И духъ иной во власти новой
Передо мной съ земли встаетъ

И безпредѣльно-сладострастно
Рисуетъ пылкая мечта,
Какъ упоительно-прекрасна
Его земная нагота!

До звѣздъ—ни крыльевъ, ни дороги,—
А съ утомительныхъ вершинъ
Пути такъ близки, такъ отлоги
Къ манящимъ призракамъ долинъ...

ТЕРЦИНЫ.

Въ темницу смрадную былъ брошенъ я судьбой.
Мой умъ былъ угнетенъ оковами сомнѣнья,
Душа была мрачна, сжималась грудь тоской.

И вдругъ явилось мнѣ чудесное видѣнье:
Прекрасный ибкій мужъ предсталъ передо мной,
Съ челою, отмѣченнымъ печатью вдохновенья.

Сияньемъ неземнымъ нетлѣнной красоты
Какъ солнцемъ озаренъ былъ ликъ его чудесный
И взоръ его былъ чистъ, какъ ясный лучъ звѣзды.

И онъ мнѣ руку далъ и изъ темницы тѣсной
Въ дыханьи творческомъ божественной мечты
Вознесъ на высоту, гдѣ ждалъ насъ храмъ небесный.

И мы вошли въ тотъ храмъ. Какъ стая голубицъ
Въ немъ юныхъ дѣвъ толпа насъ окружила съ пѣньемъ
При звукахъ сладостныхъ архангельскихъ цѣвницъ.

И пѣснѣ дивной той внималъ я съ упоеньемъ
И въ сонѣ ангеловъ Творцу, простертый ницъ,
Молился радостно и плакалъ съ умиленьемъ.

И мы вошли въ алтарь — и я затрепеталъ
Въ священномъ ужасѣ: какъ лава огневая
Передо мной тамъ путь изъ пламени сіялъ

Въ ту царственную высь, гдѣ, въ свѣтѣ утопая
Престолъ Всевышняго надъ солнцами пылалъ.

Съ тѣхъ поръ я слѣпъ, друзья, съ тѣхъ поръ я слѣпъ и глухъ:
Къ сіяню тѣнному безчувственны зѣницы
И къ голосамъ земли мой безучастенъ слухъ.

Но мужа дивнаго цѣлительной десницы
Прикосновеньемъ вдругъ мой окрылится духъ —
И, внемля, видитъ рай въ стѣнахъ моей темницы.

ОМИТЕЛЬНА

Глухая ночь,
Но мирно теплятся
лампады
И духа, полного от-
рады,
Забвенью сна не
превозмочь.

Мы ждемъ. Мы рано
въ храмъ пришли,
Надѣли бѣлыя одежды
И въ полночь — мира
и надежды
Достойно жертвы при-
несли.

КЪ МЕССИИ.

Печать позорную грѣха
Мы смыли чистыми слезами,
Престоль украсили цвѣтами
И ждемъ съ молитвой жениха.

И мы дождемся: Онъ придетъ
При звукахъ радостныхъ цѣвницъ
И съ первымъ отблескомъ денницы
Намъ искупленье принесетъ.

Къ нему навстрѣчу потечемъ
Мы съ громкимъ гуломъ ликованья
И со слезами упованья
Мольбу за спящихъ вознесемъ.

И будетъ тихъ глубокий взглядъ
Святыхъ очей Его надъ нами
И надъ склоненными главами
Слова прощенья прозвучать.

Мы ждемъ: молчитъ глухая ночь,
Но ярче теплятся лампы
И въ сердцѣ вѣянья отрады
Забвенью сна не превозмочь.

СОНЕТЫ.

I.

Ты помнишь?—мы гимны Варунѣ слагали,
Имъ вторили тихаго Ганга струи,
И роши тѣмъ пѣснямъ безмолвно внимали
И звѣзды, въ волнахъ зажигая огни.

Мы были какъ боги, не знали печали,
Но слезы восторга невольны текли:
Тѣ слезы мы въ волны съ молитвой роняли
И волны ихъ къ лону морскому несли...

Ты помнишь, какъ лотосамъ, стройнымъ и нѣжнымъ,
О счастье людей и боговъ безмятежномъ
Шептала чуть слышно, ласкаясь, рѣка

И лотосъ дрожалъ съ упоеньемъ блаженнымъ,
А въ воздухѣ мѣрно съ напѣвомъ священнымъ
Сливался молитвенный шумъ тростника?

II.

Ты помнишь?—въ странѣ пирамидъ раскаленной,
Гдѣ съ нѣгой роскошною царственный Нилъ
Лобзаетъ и лижетъ волной полусонной
Гранитъ многовѣчный безмолвныхъ могилъ,

Тая, помнишь, Изидою жрецъ вдохновенный
Молиться таинственно въ храмъ уходилъ
И падали ницъ мы толпою смущенной
На камни въ дыму благовонныхъ кадилъ?

Подъ скорбныя пѣсни молитвъ покаянныхъ
Тонули мы въ грезахъ туманныхъ и странныхъ,
Но видѣть не смѣли богини лица,

И сфинксы загадочно въ волны глядѣли,
А волны струились къ невѣдомой цѣли
И страхомъ предъ тайной сжимались сердца.

Р. Д. СЕМЕНОВЪ

* * *

Природа спитъ тяжелымъ сномъ,
Томится въ мертвенномъ молчаньѣ,
И давить душу какъ свинцомъ
Безсилъя тяжкое сознанье...

О, какъ хотѣлъ бы я блеснуть
Средь тучъ нахмуренныхъ зарницей,
Ширяя огненною птицей,
Подставя гордо вѣтру грудь,

И въ дикой силы упоеньѣ,
Въ слѣпомъ неистовствѣ страстей
Найти минутное забвенье
Душѣ тоскующей моей,

Сіяньемъ радостной лазури,
Туманомъ розовой мечты
Смѣнить щемящій трепеть бури
И шумъ докучной суеты,

Или въ томительной лобзани
Къ устамъ пылающимъ прильнуть
И нѣги сладкой въ объятьи,
Во снѣ безпечномъ отдохнуть!..

Но тщетно все очарованье
Ненужныхъ грезъ и праздныхъ словъ:
Безсилья тяжкое сознанье
Неодолимѣи всѣхъ оковъ.

Гаснетъ вечеръ золотистый,
Блѣдной зорькой догорая.
Тише въ берегъ каменный,
Пѣнясь, бьетъ волна морская.

*

Съ грустью тайною во взорѣ,
Ты въ молчаніи слѣдила,
Какъ въ сверкающее море
Солнце тихо заходило.

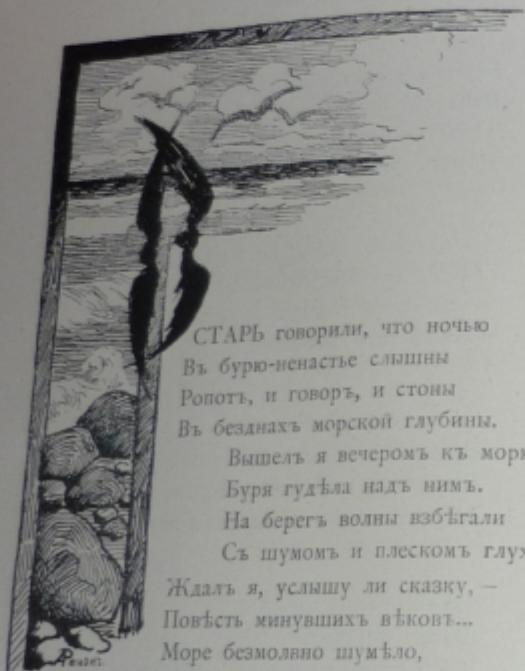
*

Съ безотчетною тоскою
Провожалъ я день печальный.
Ночь спускалась надъ землею,
Меркнулъ тихо западъ дальный,

*

И, все глуше замирая,
Волны стихшаго прибоя,
Съ мѣрнымъ плескомъ набѣгая,
Били въ берегъ подъ скалою.

СТАРЬ говорили, что ночью
Въ бурю-ненастье слышны
Ропотъ, и говоръ, и стоны
Въ безднахъ морской глубины.
Вышелъ я вечеромъ къ морю...
Буря гудѣла надъ нимъ.
На берегъ волны избѣгали
Съ шумомъ и плескомъ глухимъ.
Ждалъ я, услышу ли сказку, —
Повѣсть минувшихъ вѣковъ...
Море безмолвно шумѣло,
Волны катились безъ словъ...

Небесныхъ сводовъ тьма утрюма
И ночь смятенія полна
И какъ въ бреду средь бури шума
Природа мечется безъ сна.

Томится грудь больной тревогой,
Мнѣ сонъ отрады не даетъ,
Въ душѣ усталой думъ такъ много,
И такъ жестоко ихъ злойный гнетъ...

Но я люблю твое томленье,
О ночь,—немолчный ропотъ твой,
И низъ рожденное волненье
И смутныхъ грезъ мятежный рой;

Люблю душевный этотъ трепеть,
Какъ рокотъ плещущихъ зыбей,
Какъ въ этомъ вихрѣ быстрый лепетъ
Неумоляющихъ вѣтвей.

Б. С. СЕРАФИМОВЪ

РЕКРАГНА ты, о, нѣтъ сомнѣнья!
Могучій блескъ твоихъ очей
Такъ полонъ нѣги и томленья,
Такъ полонъ пламенныхъ рѣчей!

Въ роскошныхъ чарахъ сновидѣній,
Въ туманѣ пламенной мечты,
Среди измѣнчивыхъ видѣній
Царишь и властвуешь лишь ты!

Е. Г. ТИКТИНЪ

Слезы вновь томят и накаплиют,
И прожечь тюрьму свою хотят,
Всё мечты, всё грезы оживают,
Жгут, ласкают, дразнят и манят.

Какъ волной нахлынувшей захваченъ,
Потерял я землю подъ собой...
Неужели свѣтлый миръ утраченъ,—
Миръ надеждъ и радости земной?

Неужели никогда не буду
Я молиться больше — никогда —
И тебя навѣки позабуду,
Тихая, далекая звѣзда?

Х
Прости мнѣ сонъ у ногъ твоихъ,
Мой лучший въ жизни сонъ!
Прости, прости мнѣ этотъ стихъ:
Вѣдь отзвукъ сердца онъ!

Когда бъ могла ты посмотреѣть
Хоть разъ въ глаза свои,
Ты не могла бы не запѣть
Отъ иѣги и любви.

*
Твое сіянье — мнѣ законъ,
Звѣзда небесъ моихъ!
Прости мнѣ мой безгрѣшный сонъ
И этотъ скверный стихъ...

Последній сонъ меня покинулъ,
Последній сонъ и лучший сонъ,
И вѣтеръ тучами задвинулъ
Мой блѣдный, тихій небосклонъ.
Неизъяснимыя стремленья,
Земной любви порывъ живой,
Ночей безумныя видѣнья,
И дѣтскій бредъ, и увлеченья—
Теперь оставлены за мной.
Последній сонъ — любви признанье,
Мечты о дальней сторонѣ —
И отъ него въ воспоминанье
Похмѣлья жгучее страданье
Одно, увы, осталось мнѣ...
Умри жъ, ненужная надежда,
Ищи въ другихъ себѣ пріютъ!
Долой, нарядная одежда!
Для сердца будни настають...

Такъ пусто, холодно кругомъ
И тяжело въ душѣ усталой:
Ей не дано забыться сномъ,
Хотя бы въ грѣбъ запоздалой,
Хотя бы въ мысляхъ о быломъ...
Такъ пусто, холодно кругомъ...

Но отчего, когда мятелью
Пахнетъ отъ жизни ледяной
Въ мою монашескую келью,
Въ тайникъ души моей больной,—
Въ ней что-то робко зарыдаеть,
Струна живая задрожитъ—
И сердце биться начинаетъ,
Любя, прощая, воскресаетъ
И кроткій миръ его живить?..

Когда, въ бездѣйственномъ покоѣ,
Душа на мѣрть глядитъ
И ни одно желанье злое
Ея не тяготитъ,

Когда все мысли и все цѣли
Звѣрей, боговъ, людей,
Отъ ихъ предвѣчной колыбели
До нашихъ смутныхъ дней,

Стоять, невѣдомой рукою
Открыты предъ тобой,
И ты привѣтствуешь слезою
Весь этотъ мѣръ живой,—

О, есть ли пламя горячѣе
Огня въ твоей крови
И чувство чище и сильнѣе
Всевидающей любви?

Тревожной дрожью полонъ воздухъ ночи.
Далекихъ звѣздъ мерцающія очи
Чаруютъ душу свѣтлою мечтой.
Мнѣ хочется съ молчаньемъ ночи слиться,
Въ сіяны звѣздъ безслѣдно раствориться,
Дышать единой съ ними красотой.

Мнѣ хочется сидѣть съ тобою рядомъ,
Глядѣть на мѣръ твоимъ незлобнымъ взглядомъ,
Твоей душой обнять его, любя,
Во всѣ края послать благословенья
И безъ конца въ огнѣ самозабвенья
Съ лучами звѣздъ молиться на тебя!

Въ роскоши пестрыхъ ковровъ
Грозный султанъ отдыхаетъ.
Нѣга восточныхъ духовъ
Грезы ему навѣваетъ.

Какъ-то беспомощно бьютъ
Звучныя воды фонтана,—
Точно изъ бездны поютъ
Вѣчныя строки Корана.

Куполь небесный томитъ
Страстною нѣгою зноя.
Солнце лучемъ золотитъ
Сонныя щеки героя.

А. О. УЛЬМАНЪ

ЗИМНОЕ.

Коль вьюга со стоняет и съ
восьмъ
По улицамъ снѣжнѣмъ видеть
И въ воздухѣ зимнемъ снѣ-
жинокъ
Безпомощныхъ стаи мететь,
—
Люблю перелъ жаркимъ ка-
миномъ
Бушующей вьюгѣ внимать

И въ красныхъ, пылающихъ угляхъ
Картины былого искать,

За тканью волшебныхъ растений,
Что вывелъ на стеклахъ морозъ,
Уютно мечтамъ предаваться
И вѣгъ несбыточныхъ грезъ!

Лишь только тебя я увидѣлъ—
И сказкамъ повѣрилъ я вновь,
Какъ вѣрилъ имъ въ дѣтствѣ когда-то,
По сказкамъ лишь зная любви:

Я вѣрю, что сказочнымъ феямъ
Возможно являться межъ насъ,
И только не вѣрю, что краше
И раньше такъ было хоть разъ.

М. А. ФРЕНКЕЛЬ

ГРЕЗЫ.

Залеталъ я въ царство счастья,
Въ край любви я видѣлъ путь,
Гдѣ и воздухомъ ненастья
Беззаботно дышитъ грудь,

Гдѣ отъ края и до края,
Свѣтлыхъ радостей поля,
Вольно плещетъ страсть людская,
Какъ весенняя волна,

Гдѣ, вдали отъ бѣды и шума,
И могуча, и смѣла,
Горделиво рѣшетъ дума,
Какъ орлиный взмахъ крыла,

Гдѣ для мысли нѣтъ запрета,
Гдѣ для сердца нѣтъ цѣпей,
Гдѣ сбылися для поэта
Грезы свѣтлыхъ юныхъ дней!

Тамъ бывалъ я... Но довольно:
Въ сердцахъ, полномъ жгучихъ
мукъ,

Такъ томительно, такъ больно
Отдается счастья звуки!

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

од. III. 13.

Источникъ Бандузскій, кристалла яснѣй,
Достойный вина и цвѣтовъ,
Пожертвованъ будеть богинѣ твоей
Козленокъ со знакомъ роговъ

*
Растущихъ, что игры сулятъ и любовь,
Но тщетно: студеный каскадъ
Твой ярко окраситъ горячая кровь
Потомка рѣзвившихся стадъ.

*
Палящаго лѣта полуденный зной
Не сушить твоихъ родниковъ,
Пошли и стада ты своею струей,
И съ плугомъ усталыхъ воловъ.

*
Прославься жъ не меньше источниковъ всѣхъ,
Какъ рошу мой стихъ воспоешь,
На скалахъ пещеристыхъ взросшую тѣхъ,
Откуда струя твоя бьетъ.

Д. Н. ФРИДБЕРГЪ

УЧИТЕЛЯМЪ.

О хилые, слѣпые пастухи!

Разсыпавшись по всѣмъ дорогамъ,
Бредете вдаль, оставленные Богомъ,
И горьки вамъ младенчества грѣхи.

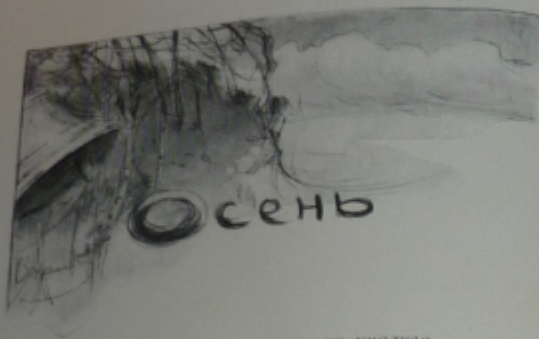
Струится жизнь, какъ мутная вода,
Въ рукѣ дрожить ненужный, ветхій посохъ, —
Ему ль согнать смятенныя стада
На плоскогорьяхъ, на откосахъ?

Стада бѣгутъ — владыка нуженъ имъ!
Стада бѣгутъ — безъ имени, безъ счета...
Гнететь ихъ ночь, гнететь, какъ горькій дымъ,
Однообразная забота...

Но нѣтъ владыкъ и нѣтъ призывныхъ словъ,
Въ напѣвахъ нѣтъ забвенья и отрады:
Вдали отъ стадъ, унылыхъ пастуховъ
Бредеть озлобленное стадо.

Жестокъ ихъ путь. Томятся, не признавъ
Въ полночной мглѣ творящихъ силъ потока,
Въ мерцаньи звѣздъ—божественнаго ока,
И голось ихъ—не мощный гласъ пророка,
Но шелестъ пожелтѣвшихъ травъ.

Въ холодномъ воздухѣ гудитъ, не умолкая,
Церковный звонъ,
Пушистыхъ бѣлыхъ тучъ бѣгутъ по небу стаи
Со всѣхъ сторонъ,

Упорный вѣтеръ гнетъ деревья въ темныхъ кущахъ,
Шумитъ листвою,
А море, въ ладъ ему, бѣлая, бьетъ въ уступы,
Въ порывѣ зломъ.

В. Н. ХРУСТАЛЕВЪ

Ты слышала,
въ часъ, когда
ночная мгла
Спустится ужъ го-
това безучастно,
Съ какой тоской тревожною и страшною
Надъ городомъ звонять колокола?

*
Въ гармоніи печальной ихъ созвучій
Таится жизнью вымученный стонъ!
Но не всегда такъ грустенъ этотъ звонъ:
Есть красный звонъ, торжественный, могучій,

Несется онъ во всю земную ширь,
Безъ удержу, какъ древній богатырь,
И всякъ его привѣтствуетъ поклономъ,

И рвется онъ, и мчится безъ конца,
И льется радость въ русскія сердца
Съ ликующимъ, побѣднымъ краснымъ звономъ!

Родного сѣвера печальная весна...
О, сколько въ ней тоски, неясной и туманной!
О, какъ томительно тревожить насъ она
Своею красотой задумчивой и странной!

Съ какою нѣгою безсонною глядятъ
Намъ въ окна свѣтлыя, мечтательныя ночи!
Какъ будто въ сердце льютъ любви унылый ядъ
Больной красавицы заплаканныя очи.

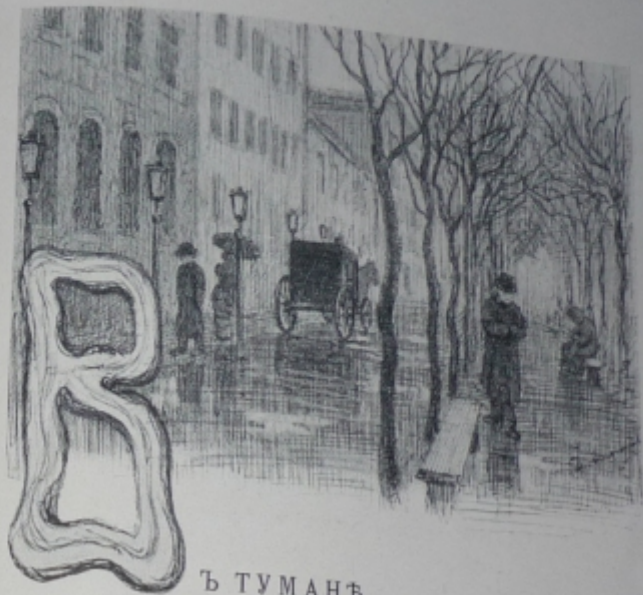
Я люблю этот вальсъ, этих паръ оживленныхъ мельканьс,
Эту музыку струнъ и дыханье душистыхъ цвѣтовъ:
Съ ними въ сердце мое проникаютъ бывлыя мечтанья,
Отголоски давно позабытыхъ и странныхъ стиховъ.

Какъ печальны они, эти призраки страсти безплодной!
Какъ люблю я порой этихъ спутниковъ грустныхъ моихъ!
Помню я, какъ въ борьбѣ, замирая въ тоскѣ безысходной,
Ихъ живительный гимнъ въ моемъ сердцѣ навѣки затихъ!

Такъ безъ нихъ я усталъ, такъ мнѣ жаль этихъ сновъ
безвозвратныхъ,

Такъ влечетъ меня вновь прежней страсти томительный жаръ,
Что мучительны мнѣ и дыханье цвѣтовъ ароматныхъ,
И порхающій вальсъ, и круженье мелькающихъ паръ.

А. А. ЧЕРКАСОВЪ

ВЪ ТУМАНѢ.

Кругомъ палатъ—нѣмое запусѣнье,
Сырая мгла на улицахъ висить,
Сѣдой туманъ царить какъ наводенье
И мелкій дождь несносно моросить.
Полярный день!..—

Въ душѣ—изнеможенье,
Глухая боль на сердцѣ залегла—
И хочется палящей солнца ласки,
Весны, цвѣтовъ, лѣсовъ волшебной сказки,
Любви, и грезъ, и пѣсенъ, и тепла!

Вы знаете старый утесъ,
Стоящій, какъ стражъ, у селенья:
Теперь онъ травюю поросъ,
Повсюду печать запустѣнья...

*

Вы слышали, вѣрно, — давно
Была здѣсь святая обитель,
Гдѣ сѣялъ спасенья зерно
Отшельникъ, святой просвѣтитель.

*

Сюда православные шли
Со сладостной данью молитвы;
Воитель, въ крови и въ пыли,
Сюда укрывался изъ битвы.

*

Но годы незримо текутъ:
Обитель давно запустѣла,
А вражье насиле и тутъ
Забвенья dokonчило дѣло.

Дремучій таинственный боръ
Скрываетъ нагія вершины,
Потока живой разговоръ
Тревожитъ молчанье долины,

*

Спокойно заходятъ стада
На мшистые горные склоны,
Ночами о чемъ-то всегда
Шумятъ многолѣтніе клены,

*

И сладко поютъ соловьи,
И звѣзды горятъ безмятежно,
И шепчутъ задумчиво, иѣжно
Рѣчки голубыя струи.

Б. Я. ШНЕЙДЕРЪ

Весной повѣяло, цвѣтущею весною,
Весь оживаетъ мѣръ для новыхъ сладкихъ грезъ,—
Зачѣмъ-же сердце вновь сжимается тоскою?
Зачѣмъ-же на глазахъ остатки прежнихъ слезъ?

Не я-ли къ новому такъ пламенно стремился?
Не я-ль вчера еще былъ жертвой зимнихъ вьюгъ?
Или не все прошло? Иль въ сердце вкоренился
Навѣкъ мой гибельный недугъ?

Нѣтъ, малодушіе минутное, — довольно:
Весну привѣтствуя, всѣ силы собираю,
И пусть настанетъ ночь, и пусть мнѣ будетъ больно,
И пусть воскресну я душою по утру!

КРЫЛЬЯ ЛЮБВИ.

ДРУГЪ МОЙ, пускай тебѣ крылья скрѣпитъ
Не воскъ, а свободная вѣра,—
Тогда и не дасть намъ несчастный Икаръ
Примѣра,

Примѣра тому, что лучи не для насъ,
Что къ солнцу намъ путь не подъ силу
И въ гордой попыткѣ находить смѣльчакъ
Могилу.

На крыльяхъ любви понесемъ съ тобой
Надъ бурною бездною моря,
Доячимся вдвоемъ до желанныхъ вершинъ
Безъ горя!

О, крылья любви! Нѣтъ преграды для насъ!
Вы къ жизни, вы къ свѣту несете...
А сколько блаженства, и счастья, и грезъ
Въ полетѣ!.

И. Крауцманъ

КЪ МОРЮ.

О море, помню часъ: прощался я съ то-
бой...
Дулъ легкой вѣтерокъ. Въ таинственный
покровъ
Одѣлось ты тогда и мѣръ волшебныхъ
сновъ
Спустился и тебя сокрылъ во тьмѣ ноч-
ной.

Но вотъ изъ-за скалы красавица луна
Взошла на ровный путь безоблачныхъ
небесъ
И ты предстало мнѣ, полно своихъ чу-
десъ,
Лишь на тебя свой лучъ направила она.

Ты отражало цѣпь нагихъ прибрежныхъ скалъ,
Серебряной волной ласкался къ берегамъ,
Алмазы брызгами катя къ моимъ ногамъ.
И лучъ луны въ тебѣ струился и игралъ,

Молочной пеленой туманъ стоялъ вдали,
Въ туманѣ призрочно терялся лунный блескъ,
Но ясно слышалось, какъ тихій, нѣжный плескъ
Лобзалъ далекій край невидимой земли.

Дышало все кругомъ ночью тишиной.
Лишь изрѣдка, какъ сонъ, ко мнѣ издалека
Неслись тоскливые напѣвы рыбака,
Да парусъ трепеталъ, склоняясь надъ водой.

С. В. фонъ-ШТЕЙНЪ

Не здѣсь, въ обманахъ суеты,
Гдѣ все загадочно и ново,
Таятся вѣщія мечты,
Любви живительное слово:

Бѣги за ними въ глушь степей,
На грудь цѣлящую природы,
Гдѣ ближе сердцу и слышнѣй
Дыханье творческой свободы.

«Пять пьесей». III, 1—3.

Настал печальный день разлуки...
Тревогу страсти заглуши,
Тая ревниво слезы муки
В туманах меркнувшей души.

—
Не красота любви нетленной
Смутит властителя покой:
Тебя отвергнуть онъ надменно,
Сгарая праздною тоской!

—
Надежда гордая разбита,
Мечты развѣяны, какъ дымъ...
Склонись покорно, Суламита,
Предъ повелителемъ своимъ.

Догорѣла заря золотая.
Въ безотрадномъ сознаньи безсилья
Опустились, дрожа, замирая,
Вдохновенья усталого крылья.

*
Я смотрю безъ любви, безъ участья,
На заботы и радости міра:
Миновало недолгое счастье,
Замолчала невнятная лира!..

ПАМЯТИ *

Была пора: чудесной силой
Ты пробуждала сердца к борьбе...
Теперь над брошенной могилой
Никто не плачет о тебе.

Давно угас во тьме загробной
Глубокий взор твоих очей,
И смех, веселый и неолобный,
И звуки вдумчивых речей.

И ты забыт в порывах бури,
В докучных толках суеты,
Как отблеск радостной лазури,
Как эхо пламенной мечты.

Умирали цветы, увядая,
Огуманена злою тоской,
Погружалась природа в жемчужный
В безотрадно унылый покой.

Колыхали плакучия нивы
Помертвевшую зелень ветвей,
Не сверкали излучить извины
Не журчал охладивший ручей.

Журавлей улетали станицы
В океаны лучей золотыхъ
И тревожно мерцали зарницы,
Отражаясь во взорах твоихъ.

Арзамасъ.

Несли чарующіе звуки
И грустно таяли въ тиши,
Какъ слезы горькія разлуки,
Какъ стонъ тоскующей души.

И мнѣ приснились тѣни ночи,
Мерцанье блѣдное свѣчей,
Ея задумчивыя очи,
Отрада трепетныхъ рѣчей,

Люби невѣдомыя муки,
Луна, нѣмые камыши...
Несли чарующіе звуки
И грустно таяли въ тиши.

П О Э Т У.

Когда тупые клики черни,
Слагая радостный привѣтъ,
Позорять часть его вечерній,
Мнѣ жалою суетный поэтъ.

*

Покинулъ онъ родныя нивы,
Завѣты кроткой старины,
Имъ сердца лучшіе порывы
Ваалу въ жертву отданы;

*

Нѣмѣютъ пѣсни силы прошлой
И не зовутъ на честный бой—
И дремлетъ въ нѣгахъ жизни пошлой
Пѣвецъ, отмѣченный судьбой...

*

Но вѣщій сонъ его не миренъ:
Его смущаетъ славы чадъ,
Какъ оиміамъ нѣмыхъ кумиренъ
Въ тиши упавшихъ колонадъ.

Я былъ одинъ. Размытую дорогу
Заволокла синѣющая тѣнь.
Звать угасъ. Въ туманѣ понемногу
Померкнулъ день.

Я былъ одинъ въ глуши полузабытой.
Лучистыхъ сновъ искалъ, пылая, умъ —
И не нашелъ, въ тревогѣ ядовитой,
Въ оковахъ думъ.

Я былъ одинъ — а небеса сияли,
Была тиха сверкающая мгла.
Спускалась ночь. Уста мои шептали:
«Ты не пришла...»

Я былъ одинъ. Размытую дорогу...

ПОСЛѢ БОЛѢЗНИ.

Очнулся я...

При свѣтѣ ночника

Чуть различаетъ взоръ привычные предметы
И ловить слухъ въ тиши издалика
Унылый бой часовъ... Нѣмые силуэты
Знакомыхъ лицъ мелькають по стѣнамъ,
Какъ боль недавняя, смиряются сомнѣнья, —
И плачу я, о чемъ не зная самъ,
На утренней зарѣ любви и возрожденья.

В. Р. ШУЛЬЦЪ

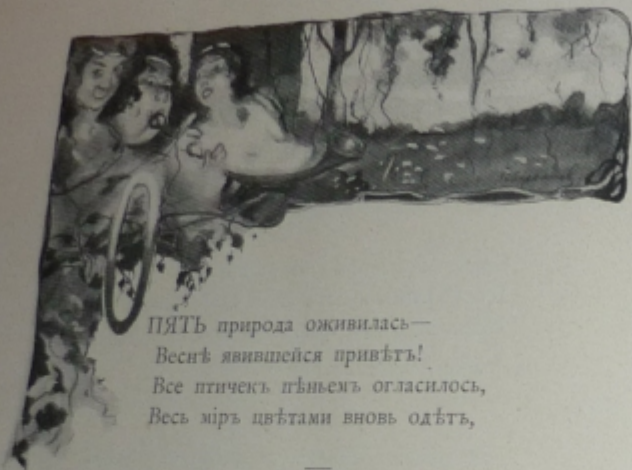

Богъ, осужденный на распяты,
Къ Голгоѣ крестъ свой самъ принесъ,
Испивъ до дна фяль прокляты,
Суда, глумлений, мукъ, угрозъ.

Но вновь воскресъ, да смолкнетъ злоба,
Своею смертыю смерть поправъ,
Расторгнувъ плѣнь безсильный гроба
И жизнь умершимъ даровавъ.

ПЯТЬ природа оживилась—
Веснѣ явившейся привѣтъ!
Все птичекъ пѣньемъ огласилось,
Весь міръ цвѣтами вновь одѣтъ,

И воздухъ чистъ, и небо ясно,
Въ поляхъ привольно и тепло,
Въ лѣсу такъ сказочно прекрасно
И на душѣ какъ день свѣтло.

